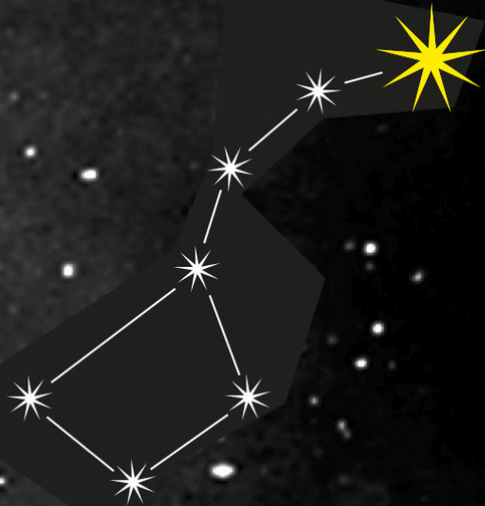

**ЭММА
УСТИНОВИЧ**

*По дорогам
жизни и смерти...*

Повести и рассказы

Эмма УСТИНОВИЧ

По дорогам жизни и смерти

«Пробел-2000»

2007

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Устинович Э. В.

По дорогам жизни и смерти / Э. В. Устинович — «Пробел-2000»,
2007

ISBN 978-5-98604-086-4

«Едва что-то живое проклюнется в жизнь, как тут же начинает осваивать окружающий мир, изучать его и приспособливаться к своему существованию. Посмотрите, с какой радостью и изумлением смотрит на нас распустившийся цветок или пробившийся из земли росток. Люди рождаются разумными. Но даже гениями становятся от того, что общаются с себе подобными, постигая их опыт, знания, изучая природу...»

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-98604-086-4

© Устинович Э. В., 2007
© Пробел-2000, 2007

Содержание

Мы живём рядом с ними	6
Воробьиное собрание	6
Говорящая ворона	7
Лесные встречи	9
Стыдливая собака	11
Помогли муравьи	12
Сказки	13
Зимняя сказка	13
Медведь – самодур	15
Как лесная принцесса зрясвета победила бабу дурандиху, лешего, бесенят	17
Действующие лица	17
Действие первое	17
Явление II	18
Явление III	18
Действие второе	19
Явление II	19
Явление III	20
Явление IV	20
Явление V	21
Действие третье	22
Добрушские истории	26
Загубленный баритон	27
Возвышенная душа	29
Соловушка	30
Дедушкина скрипка	32
Посторонний шум (рассказ тракториста)	37
Воришки	41
Митька Лэпша	43
Невеста	46
Какая она, красота?	50
А в наше время есть рыцари?	52
Первый день отпуска	53
Не бойся, жанчынка!	55
Загадка белого паруса	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Эмма Устинович
По дорогам жизни и смерти

© Устинович Э.В., 2007

© ПРОБЕЛ-2000, 2007

Мы живём рядом с ними

Воробьиное собрание

Едва что-то живое проклюнется в жизнь, как тут же начинает осваивать окружающий мир, изучать его и приспособливаться к своему существованию. Посмотрите, с какой радостью и изумлением смотрит на нас распутившийся цветок или пробившийся из земли росток.

Люди рождаются разумными. Но даже гениями становятся от того, что общаются с себе подобными, постигая их опыт, знания, изучая природу.

Сколько удивительных тайн узнает человек, наблюдая за множеством насекомых, животных и птиц. Они тоже следят за нами и совершенствуют свои навыки.

Меня неоднократно поражали своим умом воробьи, эти милые, прыгающие у наших ног, живые мячики! Общественные существа! Один сидит незаметно на веточке и внимательно смотрит своими бусинками вокруг, а собратья клюют... Малейшая опасность – сигнал, какое-то: «Чив-чив...» – и все одновременно взлетают. Или прилетит воробушек, клюнет раз, два... много... тут же зовёт других...

Однажды мне посчастливилось увидеть незабываемую картинку...

В Москве я продавала свои книги у Большого театра, на Охотном ряду и площади Революции, где бьют фонтаны, много зелени, есть скамейки и люди присаживаются передохнуть. Большие деревья там не растут. Да и куда им расти? Под землёй – потоки тысяч и тысяч людей, энергетика от них – мощная! Маленькие низкорослые деревца сажают почти каждый год.

В 9-10 часов утра народу ещё немного. Сидят, ожидая кого-то или любясь утренней Москвой. В такие моменты люди охотно откликаются на поэзию, слушают стихи и иногда покупают книгу.

Иду я так по площади Революции и вижу: на травке под деревцем... удивительно... сидят полукругом чёткими плотными рядами около сотни воробьёв... От изумления я остановилась, присела на скамейку и, забыв про книги, стала наблюдать...

Смотрю: а на деревце на нижних веточках, не высоко от земли сидят шесть воробьёв, а выше – ещё один... Из ряда вылетел воробей, взлетел на ветку и начал энергично взмахивать крылышками, чирикать очень возбуждённо, что-то сообщая сородичам или возмущаясь.

Похоже, воробьи на ветках, откликнулись на его сообщение, обменялись чириканьем. Седьмой, верхний, чирикнул, и оратор-воробей вспорхнул и снова сел в плотный ряд на своё место. Потом вылетел другой оратор, сидящие на ветках опять что-то прочирикали, вынося какое-то резюме, и второй оратор вернулся на своё место. Это продолжалось многократно.

Воробьиные крылышки трепетали эмоционально, в чириканье менялась тональность. Вот это демократия! Всё как у людей... Толи воробьиное собрание, толи какая-нибудь сессия Верховного Совета. Всё есть: сидящий плотными рядами коллектив, президиум, разгорячённые ораторы, машущие крылышками, обсуждение...

Удивительно, что недалеко от них сидели люди, жевали, сыпались крошки, но воробьи всерьёз решали свои проблемы.

Потрясающе! Я так и не дождалась завершения их собрания, вспомнила о книгах, про то, что надо отдавать долги, поднялась и пошла...

И до сих пор сожалею, что не досмотрела это воробьиное мероприятие до конца.

2001 год.

Говорящая ворона

Я гостила в Москве у брата в загородном деревянном доме дореволюционной постройки. Ему перевалило уже на девятый десяток лет. Жена его, Екатерина Анисимовна, гостеприимная и милая женщина, умерла, и он остался один. Но и к одиночеству привыкают. Он спокойно доживал свой век, сам себе готовил и стирал, и постоянно что-то делая, бормотал под нос, оценивая свои действия.

Внуки и правнуки любили деда, но жизнь разметала их, и они оказались за границей. Те, которые жили в Москве, один раз в неделю навещали деда со щедрыми гостинцами; холодильник набивался продуктами, и моё пребывание не обременяло брата.

Все комнаты этого старого большого дома, окружённого садом и вековыми липами, по воскресеньям заполнялись молодыми жизнерадостными голосами. Только одна комната оставалась свободной, в которой умерла бабушка. В ней меня и поселили. Признаться, я с трудом осваивала эту территорию: какая-то тяжёлая энергетика давила меня, но через неделю я почувствовала себя лучше и спокойно спала, просыпаясь на рассвете под разноголосый щебет птиц. Я наслаждалась природой...

Только одно обстоятельство было затруднительным. В Отечественную войну брату моему, Владимиру Николаевичу, травмировало слух. Контузия сильно сказалась и он оглох, даже слуховой аппарат мало помогал.

Мне приходилось всё время кричать. Он слушал телевизионные новости, приставив аппарат где-то за ухом; садился у самого экрана и включал на полную мощность. А мне казалось, что от этого грохота телевизор взорвётся, разлетевшись на куски, и я выходила из дома...

В ста метрах от усадьбы тянулись заграждения Лосиноостровского заповедника, соединявшегося с парком Сокольники. Москвичи называют его лёгкими Москвы. Прогуливаясь по заповеднику, я действительно дышала полной грудью. Собирать ягоды и грибы здесь запрещалось, чтобы не нарушался экологический баланс. Об этом сообщали предупреждения на щитах при входе. Но как удержаться, когда у твоих ног появлялся мясистый грибок на толстой ножке или россыпь летних опят? Я замирала от удовольствия и благодарила судьбу за то, что она мне послала такое чудное лето.

Но вдруг мой непредсказуемый брат, когда внуки по делам уехали из Москвы, заявил, что он уезжает в Белоруссию, поклониться родной земле, где покоились его родители.

– Вернусь через две недели. Гостить буду у родственников. Отдыхай!

Сел на поезд Москва – Гомель и уехал...

Вот тут-то и начались мои злключения. Я осталась одна в пустом доме. В первую же ночь, когда я, выключив телевизор, легла в постель, послышались подозрительные звуки. Кто-то топал по железной крыше, прямо над моей головой. Это топанье сопровождалось каким-то бормотанием, похожим на человеческую речь. Мне стало не по себе. Все мы бываем суеверны, когда сталкиваемся с чем-то необъяснимым и неизвестным. Я от ужаса обливалась холодным потом, не зная, чем это кончится; но к утру всё стихло и я, наконец, уснула. В следующую ночь всё повторилось снова. Какая-то чертовщина! Я знала, что Екатерина Анисимовна тяжело умирала в этой комнате, агония длилась несколько дней. И мне начало казаться, что это её душа мечется над моей головой! Весь этот кошмар продолжался несколько дней. Я почти в безумии шептала: «Екатерина Анисимовна, не пугай меня, чего ты хочешь? Когда вернётся Володя, я обязательно поклонюсь твоей могиле».

Здраво рассуждая, я пыталась побороть свой страх: «Это не человек; человек – скор на руку; а в нечистую силу не хотелось верить. Может, это какая-то большая птица, филин или сова? В заповеднике много всякой живности, даже лоси живут... А речь мне просто чудится...»

Моё предположение подтвердилось. Я каждый день делала обход дома. Вижу: с высокой липы слетела на крышу большая серая ворона и затопала своими лапами, издавая такие же звуки, от которых я чуть не сошла с ума.

– Так это ты, негодная, пугала меня по ночам?

Она недружелюбно и подозрительно посмотрела на меня и спокойно загрохотала по железной крыше...

Я ушла в дом, легла на кровать, которая стояла у окна, чтобы осмыслить происшедшее и посмеяться над собой, как вдруг ворона подлетела к окну, села на форточку, открытую наружу, и очень чётко Володиным голосом проговорила: «Ти-хо...» Именно так говорил мне Володя, когда я кричала, а он хотел понять текст по губам. Волосы зашевелились на моей голове, но тут я, к счастью, вспомнила телевизионную передачу «В мире животных», где ведущий Николай Дроздов однажды сообщал, что подмосковные серые вороны умеют подражать человеческим голосам.

Вернувшись брату я рассказала эту смешную историю, но он очень серьёзно мне ответил: «Ух, эти вороны, коварные и умные существа. Когда мы спилили одну липу, заслонявшую свет в доме, вместе с деревом упало воронье гнездо. Оно было так устроено, что не всякий человек додумается. Ветки переплетены медной проволокой. Комфортное гнездо! Теперь ворона мстит мне, всё время по ночам расковыривает крышу, а я чиню».

– Вот так... – только и смогла ответить я брату.

2003 год.

Лесные встречи

«Уже июнь – к концу, а я и лета не увижу», – подумала и утром с восходом солнца отправилась в поход. Конечная остановка троллейбуса – у самого леса, через который тянется из Гомеля Речицкое шоссе.

Я вошла в пригородный лесной массив и уныло поплелась по замусоренным тропам вглубь. Ягод на кустах малины не видно, всё истоптано. Солнце поднималось всё выше, становилось жарко, флакончик с водой уменьшился на половину, гул машин едва слышен. Я очень устала и тащилась, опираясь на палочку, которую подобрала у тропы. Увидев истлевшее бревно, плюхнулась на него и потянулась к флакону. Передохнув, поднялась и увидела кусты малины, на которых огоньками горели гроздья. Ягода под солнцем зреет не по часам, а по минутам. Я обрадовалась, нежно сняла душистые ягоды и увидела ещё и ещё... Вдруг что-то зашуршало и какой-то зверёк замер у моих ног. Я наклонилась – большой ёжик, коснулась иголочек: «Не бойся, ёжичек, я тебя не трону; как ты тут выживаешь, бедняга? – и отошла от куста.

Ведёрко моё наполнялось крупными сочными ягодами. Забыв об усталости, собрала всё. Остался один кустик, где увидела ёжика. Но его уже не было. Собрав малину, снова села на истлевшее дерево, посмотрела в ведёрко: «Литра – два, хорошо. Можно и передохнуть». И тут увидела отвалившуюся старую кору, а под ней – целую пригоршню муравьиных яиц. Перепуганные муравьишки брали их на спинки и куда-то тащили в другое место... Я с укором подумала: «Неужто сапогом отвалила кору? А, может, ёжик?» Испытывая угрызения совести, направилась дальше: «Найти бы ещё землянику, набрать стакана два – и можно – домой.»

Мусора давно не видно, гула почти не слышно. Вдоль тропы – с одной стороны – молодой березняк. С другой – сосняк. Прямо перед глазами, низко, вылетела из сосняка какая-то незнакомая птица, в бело-чёрном оперении, но не сорока; похоже, белокрылый клёст, и снова перед лицом перелетела дорогу, потом ещё повторила и ещё... «Что такое? – приостановилась я. Где-то недалеко надрывно, каким-то плоским звуком закаркала ворона. Как будто предупреждают об опасности. Я вспомнила рассказ отца, как его на Ленинградском фронте спасла от смерти какая-то птичка.

После атаки от двух рот пехоты, которая прикрывала танки, осталось пять человек. Когда часть остановилась в лесу, майор-танкист подошёл к башне танка, на которой сидел мой отец и приказал: «Солдат, посмотри в лесу справа, нет ли там немцев?» Отец пошёл. Какая-то птица беспрерывно перелетала ему дорогу, чуть ли не хлопая крыльями по лицу. Обескураженный солдат остановился и тут же услышал немецкую речь. Прямо перед ним, за небольшим болотцем, стояла вражеская танкетка и два фрица; один ногой прошупывал грунт. Отец сразу лёг на землю и пополз к своим. «Если б не эта птичка, немцы в упор расстреляли б меня. Как будто не птичка, а материна душа спасла от смерти», – рассказывал отец.

Но даже это воспоминание не остановило меня: «Да, какая здесь опасность может угрожать мне, совсем рядом большой город? Чепуха!» – и пошла дальше. Смотрю: вдоль дороги засветилась земляничка. Я стала собирать, на перекрёстке дорожек – ещё больше... и свернула на другую тропу. Земляничка – весёлая ягодка, и я шустренько наполняла горсть за горстью. Не разгибаясь, развернулась на какой-то шорох... глядь: а метрах в ста так же, как и я, разворачивается молодой серый волк. Значит, когда я стояла к нему задом, он тоже становился задом и всё время наблюдал за мной. Сердце моё «ушло в пятки». Я быстро схватила ведёрко и медленно спокойно пошла по незнакомой тропе в противоположную от волка сторону, набирая скорость. Не чувствуя ни боли, ни усталости почти бежала, пока не воткнулась в угол заграждений из колючей проволоки: «Слава, Богу, лагерь МЧС!» У ворот лагеря стоял

часовой. Я поздоровалась и сказала: «А вокруг вас волки бродят... Только что ушла от него». Парень улыбнулся и ответил:

– А мы не боимся волков.

– А я боюсь!

Возвращаясь домой, вспомнила ещё одну встречу с волком. Я работала летом воспитателем в пионерском лагере. В большом коллективе уложить детей спать очень трудно. И наши, так называемые пятиминутки, заканчивались в полночь. Домик моего отряда находился у самой ограды лагеря. Я вышла из клуба, смотрю: передо мной огромная собака, ростом с телёнка, хвост – пистолетом. Она нагло посмотрела на меня, лапой открыла калитку-вертушку и вышла в лес. Сердце моё забилось тревожно. Но детская обувь так же аккуратно стояла на ступеньках, дверь открыта, все девочки спокойно спали на свежем воздухе. «Это, наверное, сторожевая собака-овчарка из соседнего лагеря» – подумала я. Днём, отлучившись ненадолго, пошла в соседние лагеря узнать, нет ли у них сторожевой огромной овчарки?

Никаких собак в лагерях не было и в помине. Зачем же этот огромный матёрый волк разгуливал по территории нашего лагеря? Что ему надо?

И ещё о волках рассказала мне сестра. Их дача – у леса, а в полукилометре находится запретная зона, обнесённая колючей проволокой. Там – высокая радиация после взрыва Чернобыля. Несколько больших деревень уже затягивает лесом. В целях безопасности зона охраняется. Солдаты постоянно патрулируют лес.

На дачных огородах – допустимая норма, а на грядках – радиации нет, потому что эти неутомимые дачники уже много лет везут в мешках и вёдрах на свои грядки чистый чернозём.

Однажды сестра с мужем решили проверить свою дачу зимой. У них – хороший домик с русской печкой. Добрались, протоптав дорогу по снегу, затопили печь, обогрели хату, сварили ужин. В тарелке остался недоеденный суп, и сестра, открыв дверь, плеснула остатки на снег. Откуда-то у дверей появился щенок и начал слизывать пищу. Сестра пожалела несчастного щенка, налила в миску супа и вынесла ему. Голодный щенок не ел как собаки, а лакал пищу. Вылизав миску, щенок ушёл в лес.

Вечером, когда погасло солнце, они услышали волчий вой. Перепуганные дачники выключили свет и глянули в окна. Хату со всех сторон, в кольцо, взяла волчья стая.

«Мы дрожали от страха всю ночь, даже защитник мой крепко струхнул, – говорила сестра. – Только утром, когда взошло солнце, они оставили нас в покое и ушли в лес. С тех пор мы боимся ездить на дачу зимой».

Я задумалась над концовкой рассказа, потому что когда не знаешь что сказать, значит, совсем мало знаешь...

2005 год.

Стыдливая собака

Стыд – сильнейшее чувство разумного существа от сознания неблаговидности своего поступка. Но у некоторых людей, казалось бы, общественных существ, увы, начисто отсутствует стыд. Такие люди не идут в сравнение даже с животными. И этому утверждению – масса примеров.

Вот один эпизод.

Иду я однажды в Гомеле через сквер с памятником А.А. Громыко по улице Советской. От проезжей части улицы Пушкина сквер отделён литым металлическим забором. Вижу в конце сквера живописную группу мальчишек с большой собакой. Старшему – лет десять-одиннадцать, остальные – поменьше.

Был какой-то праздник, и у скамеек осталось много бутылок из-под пива, а старые люди ещё не успели их убрать. Но мальчишки уже шустренько их подбирали и несли старшему; по всему видно, он у них – лидер. Делали они это не для пользы, а для хулиганства.

Этот старший, с кудрявыми чёрными волосами и правильными чертами лица, но с очень злобным выражением, агрессивный и жестокий, брал у своих товарищей бутылки, которые те, с холуйским подобоострастием, подносили своему «атаману» и прицелившись, разбивал их о металлические сплетения. Осколки искрами сыпались на асфальтовую дорожку, на тротуар и проезжую часть улицы.

Каждый раз, когда юный разбойник прицеливался, собака начинала лаять. На её морде и в глазах проступало выражение боли и страдания за безобразное поведение этого разнузданного отрока. По-видимому, он и являлся её хозяином. Но на лай мальчик не реагировал, приводя в волнение и смятение своего четвероногого друга. Очередная бутылка разбивалась о металл, и на жестоком детском лице сияло удовлетворение.

– Вы что это творите? – не выдержала я. – Кто подбирать будет? Сейчас милицию позову...

Мальчишки бросили бутылки на газон и прекратили разбой. Но больше всего удивила меня собака. Я не любительница «целовать» псов, но я их уважаю и побаиваюсь: собака – она и есть собака; это животное меня потрясло. На мой голос она опустила голову, поджала хвост, и всё её тело выражало чувство вины и стыда. Она прошла немного за мной, как бы прося прощение за происшествие, и на её морде было написано: «Глупый, что с ним делать?»

Прошло время. Весной я в отличном настроении проходила через тот же сквер и увидела жизнерадостного бежевого щенка. Он что-то вынюхивал у корней деревьев; хорошенький, ухоженный щенок, живой и подвижный, не мог оставить равнодушным ни одного прохожего. Я залюбовалась им и приостановилась, наблюдая. Как вдруг сзади кто-то мягко ткнул меня... Я обернулась и вздрогнула: здоровенная собака... но она смотрела на меня дружелюбно, как человек.

– А, знакомая...

Она подошла к своему малышу, посмотрела мне в глаза, и я прочла в них: «Тебе нравится мой сын?» Мы поняли друг друга. Чувство умиления и материнской гордости за своё чадо запечатлелось на её собачьей морде...

Я шла и думала: «Какие высокие материнские чувства бывают у животных. Они не способны бросить своё дитя на произвол судьбы, как это делают иногда человеческие матери.

Да и вообще, в собаках есть что-то фантастически таинственное... Они понимают нас и знают о нас больше, чем мы знаем друг о друге.

2001 год.

Помогли муравьи

Мы всё боремся с природой. А надо бы с ней дружить и много о ней знать. Какие иногда приятные сюрпризы преподносит нам окружающий мир.

Пенсионерка-учительница Лариса Тихоновна Дейкун рассказала мне однажды удивительную историю. Эта маленькая женщина, с высоким лбом и умными голубыми глазами, человек добрейшего сердца, поэтесса, читала мне на память стихи Вероники Тушновой и Юлии Друниной.

– У вас – хороший поэтический вкус. Любите Юлию Друнину, – с благодарностью ответила я ей.

– А это созвучно моей душе. Я ведь тоже с полевым санитарным госпиталем всю войну прошла. Только не боевой санитаркой, а прачкой. Мне и шестнадцати лет не было, когда пошла на фронт. В санитарки не взяли, уж очень ростом мала.

– Так и стирала всю войну: корыто, утюг, иголка с ниткой – от темна до темна. Руки от соды и мыла разъело: стали распухшие и красные.

Кучи окровавленного, завшивленного белья, бинтов, солдатских гимнастёрок и штанов, с дырками от пуль и осколков. Сначала – в санпропускник, а потом – в корыто.

Однажды вернулся сержант из разведки, чуть живой, больной, весь во вшах. Мы его одежду – в санпропускник. А он слёзно: «Девочки, ради Бога, не повредите мой мохеровый свитер и шарф, подарок от дорогого человека, свитер меня под гимнастёркой от смерти спасал, согревал, без него не выжил бы».

Ну, что тут делать? Постирали мы мохер, а вши и гниды – в каждом переплёте нитки, да такие огромные, в жизни больше таких не видала. Утюгом прогладить – пропал мохер, а сержанта жалко. Таскать их, стягивать – года не хватит. Что делать? Горюем мы эдак, да тут старшина, начальник нашей хозчасти, пожилой сибиряк-охотник совет дал: «Поищите вы, девочки, муравейник и положите на него свитер, авось муравьи вычистят».

Полевые госпиталы всегда размещались в укрытиях: в лесу или в рощице. Походили мы немного по лесу, нашли муравейник и положили на него свитер. Часов через шесть пришли, смотрим: и вправду, с одной стороны – ни вшей ни гнид, с другой – кое-где – осталось. Перевернули – опять ушли. Через несколько часов вернулись, стряхнули соринки: свитер чистый, пушистый, гнид и вшей как будто никогда и не было.

Вот написала я эту маленькую историю и думаю: она о муравьях или о замечательном человеке? Всё-таки – о человеке. Много в биографии этой женщины было хорошего.

Умирал в госпитале от тяжёлых ран молодой художник и попросил юную прачку сохранить его альбом с рисунками, родные все погибли. Она пообещала. В конце войны вышла замуж за бойца, потерявшего в сражении руку. Обременённая семьёй, пятью детьми, работой в школе, она берегла этот альбом, и когда в городе открылся музей, вручила его директору.

Каждая встреча с этой старой женщиной делала меня мудрее, и я по-новому с удивлением смотрела на мир вокруг.

2006 год.

Сказки

Зимняя сказка

Нет в мире прекраснее зимнего леса в тихую предновогоднюю ночь. Рогатый месяц усыпает окутанную снегом землю серебром и бриллиантами. Дивные тени, словно живые существа, без плоти, переплетают деревья и кустарники. И, кажется, будто сама чародейка зимы, снежная принцесса, Снегурочка, невидимкой гуляет по лесу.

То там, то тут мелькнёт среди мохнатых красавиц-елей, утопающий в снегу, её богатый наряд. Ударит шалунья варежкой, и полетит с ветки снежный ком, рассыпаясь хрустальной пылью. Прислонится Снегурочка к дереву, задумавшись, обломит сухую веточку, и падает вниз сучок, оставляя на снегу чудный знак.

Тихо в лесу. Только тишина не бывает безмолвной. Дремлют деревья, покрытые снегом, спят в своих норах зверушки. Тепло под снежным одеялом мельчайшим обитателям лесного царства.

Любо Снегурочке слушать дыхание зимнего леса! Понятен ей каждый шорох и звук.

Чу! Лыжи скользят! Люди! Влечёт молодые, жадные к жизни сердца, волшебная прелесть леса, манит пылливый ум их таинственность очарования ночи. Мелькают меж деревьев наклонённые вперёд фигуры людей, всё ближе и ближе звенят их голоса, рассекая морозную тишину ночи. Быстро идут они друг за другом, а впереди всех – прекрасный, как сказочный принц, юноша. Легко и быстро несёт он своё сильное гибкое тело. Горячее дыхание убелило его ресницы и брови, выбившуюся из-под шапки мягкую прядь чёрных волос. Замерла Снегурочка, и впервые сжалось её снежное сердце. Нет! Пусть увидят красоту её люди! Болью сердца, с тысячами вонзившихся в него хвойных игл, отозвалась надломленная Снегурочкой ветка.

Повернули на этот странный хруст люди головы и увидели Снегурочку.

– Посмотрите, вон на то заснеженное дерево, – крикнул один из них, – Какое чудо сделала природа!

– Снегурочка! Настоящая, живая Снегурочка! – воскликнул юноша, который шёл впереди, очарованный её красотой. И все столпились перед ней, поражённые этим прекрасным созданием зимы.

– Природа – самый искусный художник, – говорили они.

– Ребята! Посмотрите! Всё вокруг, как в сказке! А Снегурочка – живая волшебная фея зимнего леса, – вырвался из круга людей чистый девичий голос.

– Конечно, живая, если я не в силах оторвать свой взгляд от её чарующей красоты, – блеснул своей снежной улыбкой влюблённый юноша.

– Можно проверить! – сказал один человек, мало наделённый чувством прекрасного и фантазией, – дайте я ударю её палкой!

И все увидели, как под взглядом Снегурочки, его молодое лицо стало очень старым и злым. Не многие стремятся разрушить красоту. Людям стало не по себе, они укоризненно посмотрели на него, а он угрюмо и стыдливо опустил свой взор. И долго ещё люди любовались Снегурочкой, пока кто-то не сказал: «Если бы можно было прелесть леса вместе с ёлкой принести на Новогодний бал! Эти слова напомнили, что там, за лесом, в светящемся огнями городе, очень многие их товарищи ждут новогодний подарок – лесную стройную ёлочку.

И снова люди приготовились в путь; только красавец-юноша, как зачарованный, стоял перед Снегурочкой.

– Ну, что же, ты! Мы ждём тебя.

– Прощай, Снегурочка! – шепнул юноша, дотронувшись её руки, и горячие его пальцы ощутили пожатие, лёгкое и прохладное, приятное, как дуновение весны. По губам Снегурочки пробежала улыбка, едва заметной тенью дрогнули тяжёлые, пушистые ресницы, и глаза её, глубокие и тёмные, как ночь, печально заглянули в душу юноши. Трепетным чувством отозвалось его молодое сердце, но не может сильный духом рыцарь оставить своих друзей.

– Прости, Снегурочка, меня ждут люди, и я должен повести их, – и он стремительно пошёл вперёд, прокладывая лыжню своим друзьям.

– Я помогу, благородные люди! Я дам в подарок вам мою любимицу, самую красивую ёлочку в лесу. За мной Дружок, зимний ветерок! – и Снегурочка незаметно пошла за людьми. Только юноша, полюбившийся Снегурочке, ощущал её присутствие. Казалось, её прощальный взгляд жёг, волновал его душу. Потом глаза путеводными звёздами засветились впереди. Юноша шёл на их магический блеск, увлекая остальных.

Быстрая ходьба разогрела кровь. Им стало тепло, весело, потому что красота зимнего леса одарила их наслаждением. А когда Снегурочка, сбросив шапку-невидимку, вновь появилась во всей красе перед очами прекраснейшего из людей, сказочного принца, он остановился и замер, и тут все увидели стройную ёлочку, даже красивее той, которую им хотелось найти. Освещённая лунным сиянием, убранная хлопьями снега, она была прекрасна! По деревьям прошёл ветерок, качнул ветвями, посылая своей любимой подружке прощальный привет. А в шуме верхушек их, людям чудился голос: «Я дарю вам в подарок самую красивую ёлочку в лесу. Пусть она принесёт вам счастье!»

Люди увидели на снегу следы, которые сразу же исчезали. Это Снегурочка уходила в глубь леса, а верный Дружок, зимний ветерок, позёмкой заметал её следы. В вальсе закружились снежинки, провожая людей в обратный путь.

А через сутки в просторном нарядном зале, в самом центре, стояла стройная красавица-ёлочка, убранная как невеста к венцу. Вокруг неё в вихре танцев, в масках и сказочных костюмах шумела счастливая молодёжь. Не было в зале человека, который с восторгом не бросал бы взгляды на сверкающую ёлочку. А когда часы пробили полночь, зал наполнили волшебные звуки незнакомой музыки. На сцене, слившись с роялем, играл всем известный молодой музыкант. Прядь его чёрных мягких волос слегка прикрывала высокий чистый лоб, глаза горели сапфирами, одухотворённое лицо дышало страстью, сильные подвижные чувствительные пальцы извлекали звуки, от которых замирало сердце. Околдованный зал слушал, наслаждаясь великолепием зимнего леса. Картины, прекраснее одна другой, вставали перед глазами: дремлющий лес, падающий с ветвей снег, шёпот хвойных вершин и бьющееся чьё-то сердце во всём этом великолепии. Люди почувствовали, как в зал вошла Снегурочка, ослепила своей красотой, разнося душистый аромат хвои – дар зимы и леса. Печальной грустью отозвался последний, прощальный взгляд Снегурочки, исчезли на снегу её следы, позёмкой заметённые верным её Дружком, зимним ветерком. И люди ощутили боль прощания, познали сладость весенней игры молодой горячей крови, радость и счастье жизни. Лица людей стали прекрасными, потому что сердце каждого открылось для добра.

1967 год.

Медведь – самодур

На свете бывает много забавных и поучительных историй. А эту сказку принесла залётная сорока на единственном пёрышке, оставшемся от общипанного хвоста.

В прибрежной роще, у большой полноводной реки жили звери, птицы и всякие муравьи и букашечки. Терпеливо, мужественно, даже порой рискуя жизнью, добывали они себе пищу. Кровожадные хищники истребляли хилых и глупых. Насытившись чужой кровью, хищники быстро умирали от сытости, болезней и лени. Мудрые вороны смотрели в их трусливые глаза и спокойно ждали, когда предсмертные конвульсии унесут жизнь из их прежде ненасытных, а теперь слабых тел.

А быстрокрылые, сильные птицы истребляли всяких ползучих гадов и высоко с песней поднимались в высь, встречая Солнце. Так высоко, что казалось, будто это поёт над полем и рекой само бездонное и крылатое небо.

И просыпался лес, звенел на тысячи ладов многоголосный лесной хор, в котором отчётливо слышалось соло дрозда, лесного жаворонка и соловья. Жизнь каждый день брала свой старт, и эти песни не смолкали до самого захода Солнца.

Но однажды случилось такое, что разрушило весь жизненный уклад этой прекрасной рощи. А началось это так.

Бурый медведь, царь лесных зверей, долго ходил в малиннике и, наевшись сладкой душистой ягоды, решил отдохнуть на лесной поляне под развесистым дубом. Он задремал, а потом так захрапел, что от его храпа сотрясались ветви этого могучего дерева, в стволе которого находилось дупло маленькой, шустрой красивой белочки. Перепуганная белка, прыгая с ветки на ветку, нечаянно обронила жёлудь. И надо же, на беду, он угодил прямо в нос самому царю зверей. От боли медведь проснулся и заревел, увидев белку: «Ах, это, ты, маленькая, тварь, не даёшь мне спать. Убирайся отсюда вон!» В ответ белочка робко сказала: «Но здесь моё дупло».

– Ах, ты ещё перечишь! Здесь я – царь зверей, а потому это моя собственность.

Но смелая белочка ответила: «Этого не может быть. Лес принадлежит всем».

– Сейчас я покажу тебе, чья это собственность.

И разъярённый медведь шустро полез на дерево, но белочка, перескакивая с ветки на ветку, прыгнула на берёзу и исчезла в ветвях рощи. Разгневанный зверь спустился с дуба, и чтобы успокоиться, ушёл в березняк и лёг под берёзой.

Нервы его были возбуждены, он не мог успокоиться. А тут, как назло, всё время тренькала лесная синица. Медведь разозлился ещё больше: «До каких пор ты будешь тренькать над моей головой? Закрой свой клюв и убирайся отсюда!»

В ответ он услышал: «Здесь моё гнездо, я не могу его покинуть».

– А я говорю: убирайся; я – царь зверей, Михайло Михайлыч Бурый 1, и лес – моя собственность.

И синичка ответила так же смело, как белка: «Этого не может быть. Лес принадлежит всем».

Совсем взъярился медведь. В гневе он вскочил на дерево и разорил гнездо синички, но шустрая птичка всё же упорхнула.

Всё внутри медведя кипело злобой и желанием мести. Увидев на верхушке дальней берёзы сороку, которая давно наблюдала за всей этой историей, он приказал ей: «Найди волка и рысь, пусть явятся ко мне, и разнеси всем жителям леса мой приказ:» Отныне и навсегда весь лес – частная собственность царя зверей Михайло Михайлыча Бурого 1. А потому в ближайшее время все мелкие твари и птицы должны покинуть его территорию. В противном случае – они будут уничтожены.

Приказ издал царь зверей Михайло Михайлыч Бурый 1!

Сорока тут же покинула верхушку берёзы. И скоро глазам медведя предстали волк и рысь: «Слушаем тебя, батюшка, царь зверей».

– Сыскать синицу, гнездо которой находилось на этой берёзе, сыскать белку, дупло которой находилось в дубе на лесной полянке, и уничтожить! И вообще, не жалеть этой мелкой твари.

И пошла в лесу кровавая расправа. Первыми пали бедные белочка и синичка. Исполняя приказ, волк и рысь безжалостно уничтожили лесных жителей, хотя для полного насыщения им хватило бы нескольких зверушек. Лес наполнился смрадом и зловонием. Уцелевшие перепуганные звери и птицы убегали, улетали в другие края. А когда не стало зверья и птиц, волк и рысь, поев несвежего мяса, околели. Деревья покрылись мелкими насекомыми и стали засыхать. А медведь спокойно спал, но когда проснулся – его любимый малинник высох. Медведь в ужасе схватился лапами за голову. А любопытная сорока, залетевшая посмотреть, что стало с лесом, затрещала: «Что, Мишенька, наломал дров, теперь сам не рад?»

– Ах, ты, подлая сорока, не ты ли разнесла по всему лесу мой дурацкий приказ? – и схватил её за хвост, но сорока вырвалась и улетела.

Медведь в глубокой печали покинул свой родной лес и направился к болоту, чтоб услышать хотя бы кваканье лягушек.

Но высоко в небе летал аист, он увидел медведя, спустился вниз и в его гневном клёкоте Бурый услышал слова: «Так это ты, мерзкий губитель зверушек и птиц, сидишь у нашего болота? Не ты ли кричал так громко о частной собственности? Убирайся, ты нам не нужен, и клюнул его в нос так сильно, что нос тут же распух. Но медведь не почувствовал боли и побрёл куда глаза глядят.

2001 год.

Как лесная принцесса зрясвета победила бабу дурандиху, лешего, бесенят (игровая пьеса-сказка)

Действующие лица

Лесная принцесса Зрясвета.
Лесная баба Дурандиха
Леший Васька.
Ребята: Петя, Ваня, Таня, Эльвира и другие.
Светлячки-золотнички (6 – 10).
Бесенята (10)
Звери: сова, змейка, волк и другие.

Действие первое

Лесная поляна, вечерет. Собрались бесенята и лесные звери (костюмы бесенят – чёрные колготки, чёрные водолазки, на голове шапочки с рожками, сзади – верёвочный, чёрный хвостик, набедренная повязка из папоротника, перьев и сухих водорослей; костюмы зверей – маски, шапочки и одежда, близкая к их природе). Бесенята исполняют танец, с ритмами дикарей. В глубине сцены, прячась за деревьями, наблюдает это действие принцесса Зрясвета. Она в светлой одежде, на голове венок из цветов, может быть колпачок со звёздами или корона, на плечах – воздушный шарф или с символикой леса. Во время танца Дурандиха и Леший хлопают в ладоши, звери притопывают, птицы – похлопывают, всем весело.

Дурандиха (в восторге). Танцуй, Вася!

Леший. Слушаю, прелесть моя, ненаглядная! (пускается в пляс)

Дурандиха (танцует и поёт).

Я – Дурандиха – очень мудрая,
Я – Дурандиха – целомудренна:
У меня десяток деток-бесенят,
Очень умненьких и шустреньких ребят.

Леший (танцует и поёт).

А я – Леший, Леший Вася – лиходея,
Для того, кто губит флору, я – злодей.
У меня – из тины в репьях борода,
А глаза мои сверкают, как вода.

Дурандиха

Ненаглядный Вася Леший – муженёк,
И зовут тебя за храбрость – Чёрный Рог.
Вечно буду я любимому верна,
Потому что я – законная жена.

Леший

Разлюбезная и мудрая жена,
Подарила ты мне деток – бесенят,
В этом деле лишь одна моя вина:
«Чем кормить мне этих чёртиков отряд?»

Леший танцует в кругу бесенят, ритм нарастает... И тут слышится горн или песня-марш... Все в страхе замирают.

Дурандиха. Приехали. Леший их возьми. Теперь покоя не будет: деревья испоганят, птиц напугают, и всех нас инфаркт хватит...

Леший (визгливым голосом). Испугать их, усыпить их, уморить их!

Дурандиха. Звери, мои любимые; бесенята, дети мои; друг мой Вася, Лешик, мой ненаглядный! Силой на них пойдём: в лес – не пускать, испугать их, усыпить их, уморить их!

Бесенята и звери (дружно, хором) Испугать их, усыпить их, уморить их!

Явление II

В глубине сцены – свечение. Появляется Зарясвета.

Заря света. Ясен мне, Дурандиха, твой заговор. Ах, Дурандиха, Дурандиха! Разве можно пугать детей, которые приехали в лесной лагерь отдохнуть от школьных занятий? Усыплять их и морить? Надо сделать всё, чтобы они полюбили лес и стали его друзьями. И я не позволю тебе совершить зло.

Дурандиха. Как же. Видали мы таких друзей. А ты, Зарясвета, будто не от мира сего. Ничего у тебя не получится.

Заря света. Посмотрим.

Все исчезают, прячутся за деревьями.

Явление III

Из зала к авансцене идут ребята: Петя, Ваня и Таня.

Дурандиха (из глубины сцены). Вот они... идут, окаянные. Нахальные, траву мнут, листья срывают. Совушка, подружка моя огнеокая, испугай их.

Сова. Это нам раз плюнуть...

Глаза её загораются. Для эффекта, в маске над прорезями для глаз, укрепить самые маленькие лампочки. Протянуть от них провода под крыльями, а выключатель держать в руке, включая и выключая. Зал оглушается совиным хохотом, с перерывами.

Ребята испуганно останавливаются.

Таня. Кто это так кричит? Кто хохочет?

Петя. Не знаю...

Ваня. Может, сова...

Таня. Страшно. Идёмте в палаты.

Ребята уходят.

Дурандиха (смеётся). Ха-ха-ха. Что, Зарясвета, хороши твои друзья? Трусливые зайцы!

Действие второе

Рассвет. Место то же.

Зарясвета. Светлячки-золотнички, появись, милые!

Кружась в танце, как мотыльки, появляются светлячки-золотнички.

Друзья мои! В лагерь приехали дети. Надо, чтобы они хорошо отдохнули. Надышались лесным воздухом, научились различать съедобные и несъедобные грибы и ягоды, послушали пение птиц, узнали секреты леса и полюбили его. А главное – научились дружить и любить друг друга. А потому, прошу вас, летите к отцу моему, Царю лесному, и принесите «Загадки-Отгадки», тайны земные да звуки лесные. Летите, милые!

Явление II

Из зала к авансцене идут ребята: Петя, Ваня, Таня. В глубине сцены Дурандиха, Леший, бесенята наблюдают за ними.

Дурандиха. Вон они идут. Испугать их, усыпить их, уморить их!

Леший. Испугать их, усыпить их, уморить их!

Бесенята (дружно, хором). Испугать их, усыпить их, уморить их!

Дети поднимаются на сцену. А бесенята пытаются испугать их резкими, неожиданными звуками: шипением, криками, хлопками. Ребята не обращают на это внимания.

Дурандиха. Сейчас я их загипнотизирую, пусть не ходят по лесу, не бросают бумажки от конфет и всякий мусор. Пускай спят и едят.

Леший. Умница, прелесть моя ненаглядная!

Леший и бесенята прячутся, Дурандиха из-за кустов гипнотизирует ребят: пронзительно смотрит, делает тайные знаки руками.

Петя (зевая). Ну, и скучища тут. (радостно). О, птичка! Эх, рогатку бы сейчас. Ну, пальнул бы. Хотел взять с собой – мама не дала. Всё равно сделаю! (Опять зевнул).

Таня и Петя тоже зевают.

Таня. Спать хочется.

Ваня. Давайте, посидим.

Ребята, зевая, усаживаются возле пенька.

Дурандиха. (за спиной ребят, властно). Закройте, глаза!

Дети закрывают глаза, Дурандиха уже стоит перед ними и читает заклинание.

В синем тумане сгиньте, тревоги,
В синем тумане – месяц двурогий;
В синем тумане, покрытая мглой,
Сгинет забота. Там тихий покой.
В синем тумане под тяжестью век
Ты позабудешь, что злой человек.
Там тяжелеют руки и ноги,
Нет впереди маяка и дороги.

Только глубокий синий туман.
Что в нём спасенье иль сладкий обман?
Вижу: пробился просвет издалёка,
Чьё-то волшебное пульсирует око.
В синем тумане нет горя и слёз,
Беды рассеял глубокий гипноз.

Ребята спят.

Леший. А, заснули, голубчики... Спите, детки, спите долго, не просыпайтесь... (хихикает)

Дурандиха (довольно осматривая ребят). Вот тебе, Зарясвета! Получай своих друзей...

Явление III

Те же и девочка Эльвира.

Дурандиха. Видишь, Вася, девочку? Обрати внимание. Всё время одна гуляет – гордая. Папа у неё – важный начальник, а потому в отдельной комнате живёт. Жалко девочку; однако и она может навредить. Пошлюка я к ней ужей да гадюк, а ночью пусть волк под окном воет.

А тебе, Вася, особое задание. Ты должен украсть у Зарясветы «Загадки – Отгадки».

Леший. Да разве у неё можно украсть?

Дурандиха. Устрой засаду с бесенятами. Они – шустрые. Ну, живо!

Леший (без энтузиазма). Слушаюсь, прелесть моя ненаглядная! (В сторону, тихо). Не баба, а чёрт!

Леший, бесенята – прячутся, Дурандиха следит за Эльвирой, чтобы испугать её.

Явление IV

Те же, Зарясвета, светлячки-золотнички.

В глубине сцены появляется Зарясвета. Слышится мелодия вальса. Кружась, светлячки-золотнички несут два листа бумаги, свёрнутые в трубочки и опечатанные plombой. На одной трубке написано: «Загадки», на другой – «Отгадки». Взяв «Загадки – Отгадки», Зарясвета замечает на переднем плане сцены Петю, Ваню, и Таню, у пенька, спящих глубоким сном.

Зарясвета (с негодованием). Вот, Дурандиха, уморила ребят. Глубокий гипноз. Надо их срочно разбудить!

Кладёт на пенёк «Загадки-Отгадки». В это время Эльвира поднимается на авансцену, слышится шипение...

Эльвира (в ужасе). Ай-ай-ай-ая-йй...

Зарясвета (бросается к ней, замечает, как бесенята схватили «Загадки – Отгадки» и исчезли). Не бойся, девочка. Это ужик. Видишь, с двух сторон головки – жёлтые пятнышки, а у змеи пятен не бывает, её надо обходить, укусы её бывают смертельны. Одна по лесу не ходи. Беги к ребятам. А мы ещё с тобой встретимся.

Эльвира уходит в зал.

(Обращаясь к своей свите) Светлячки – золотнички! Бесенята украли «Загадки – Отгадки». Летите вслед за ними и составьте маршрутные записки, по которым ребята найдут пропажу, а я выведу из гипноза этих детей.

Светлячки – золотнички исчезают. Зарясвета наклоняется к спящим и руками как бы пытается поднять их с земли. Выпрямляется, поднимает руки вверх и читает заклинание.

День наступает, откройте глаза,
Только вперёд, не смотрите назад.
Полные света, сил набирайтесь,
С лёгкостью в теле в мир возвращайтесь;
Тяжесть уходит, ясна голова,
Слушайте, слушайте эти слова:
Скука исчезла, нет болей и грёз,
Вы – отдохнули, окончен гипноз.

Ребята встают.

Петя. Ух, какой день хороший!

Ваня. Птицы поют.

Таня. Травы цветут.

Петя (обращаясь к Зарясвете). Кто ты?

Заря света. Я – ваш друг. Злая баба Дурандиха и Леший хотели уморить вас, чтобы вы не шумели в лесу и никогда не узнали его тайн. Они запрятали лесные «Загадки – Отгадки», но мы найдём их, если вы поможете мне.

Прошу и ребят, сидящих в зале, присоединиться к нам. Нужны две – три команды во главе с командирами. И когда светлячки – золотнички принесут маршрутные записки и компасы, вы должны по ним отыскать «Загадки – Отгадки». Отыскать их сможет только тот, кто владеет компасом и умеет найти направление по азимуту, знает топографические знаки.

Если представление проходит на открытой площадке, задание усложняется: вводятся спортивные элементы.

Светлячки – золотнички оценят вас по достоинству. Команде – победительнице, которая принесёт сюда «Загадки – Отгадки», будут вручены награды, а командиру – венок Победителя.

Слышится мелодия вальса, светлячки – золотнички приносят маршрутные записки и компасы, вручают командам.

Командам построиться! Начинаете по моему свистку. Внимание, на старт!

Свисток!

(Обращаясь к зрителям) Ребята! Вы можете, как болельщики, участвовать в соревновании.

Зарясвета вслед за командами сходит со сцены к зрителям.

Явление V

Появляются Дурандиха, Леший, бесенята.

Дурандиха. Мы пропали. Дура-полу-палундра!

Леший, бесенята. Мы здесь! Перед тобой...

Дурандиха. Быстро меняйте обличье, внедряйтесь в ряды болельщиков, сбивайте команды с маршрутов, делайте всякие пакости.

Леший, бесенята. Есть делать пакости!

Дурандиха. Дура-палу-вох! Дура-палу-вох! Дура-палу-вох!

На сцене – дым. Надымить можно кадиллом, сделанным из консервной банки. Бесенята натягивают на набедренные повязки юбочки, на рожки – другие шапочки или платочки. Все исчезают.

Действие со сцены переносится в зал или за пределы его. С открытой площадки – в лес.

Примечания. Маршрутные записки составляются опытным туристом, одинаковой сложности и с учётом возраста, заранее; только ему известно, где спрятаны «Загадки – Отгадки». Начало маршрута – сцена, окончание – место, где найдены «Загадки – Отгадки». В зале – это ящик, стул, закрытое ведро и т. д. В лесу – дупло, ветви дерева, можно зарыть в землю, прикрыв мхом.

Действие третье

На сцене – Зарясвета. Зал заполняется болельщиками-зрителями. Кружась под музыку, появляются светлячки-золотнички.

Светлячки-золотнички (хором). «Загадки-Отгадки» нашлись!

Зарясвета. Уважаемые зрители, ребята и родители!

Приближается команда-победительница.

Поприветствуем их!

Команда – победительница отдаёт «Загадки – Отгадки» Зарясвете.

Спасибо, ребята! Светлячки-золотнички, объявите результаты.

Светлячки-золотнички подводят итоги, определив места команд в соревновании и сумму очков.

По их количеству вручают командам жетоны.

Заря света (под музыку вручает награды и возлагает капитану победившей команды венки).

Итак, ребята, «Загадки – Отгадки» – в наших руках. Но это только половина победы. Вы должны отгадать загадки леса. Болельщики могут помогать своим командам. А пока послушайте загадки для малышей (для активизации зала).

По тропиночке иду
– пых, пых, пых...
И под яблоней в саду
Детке яблочко найду
– пых, пых, пых...
На спине – иголки;
Для врагов – я колкий.
А свернусь, как мячик,
Кто коснётся – плачет.

Дети хором – ёжик!

Удивительная птица,
В самом ярком оперенье,
Но ни дятел, ни синица,
Примечательна – ни пенъем,
Говорящая я птица,
За семью морями край,

Где гнездится...?

Дети хором – попугай!

Долгожительница я,
В скорлупе – моя семья.
Никогда я не спешу;
Панцирь с детства я ношу,
Вроде клетчатой рубашки,
И зовусь я...?

Дети хором – черепашкой!

Я плыву по океанам,
Брызги падают фонтаном.
В океане я, как остров,
На корабль похож мой остов;
Но не рыба я – гигант,
У меня – другой талант.
Необычный зверь на вид,
Я – морское чудо...?

Ребята хором – кит!

Заря света. Молодцы, ребята! А теперь – серьёзное задание. У меня несколько лекарственных трав (травы могут быть свежие, в гербарии или нарисованы на плакатах).

Пусть каждая команда из пяти предложенных – назовёт их и расскажет, при каких болезнях их принимают.

Светлячки-золотнички подводят итоги, определяют количество очков, вручают жетоны.

Заря света. Ещё одно задание. По листьям, которые я вам покажу, определите породы деревьев. (5 – 10 листочков).

Светлячки-золотнички определяют количество очков и дают жетоны.

Заря света. А теперь укажите, где здесь съедобные грибы и ягоды, где не съедобные?

Показывает плакаты, на которых нарисованы грибы и ягоды.

Светлячки-золотнички. (Подводят итоги, с вручением жетонов).

Заря света. И последнее задание. Прослушайте голоса птиц и определите, чьи они? (Каждой команде – 5 голосов).

Светлячки-золотнички подсчитывают очки, а потом собирают все жетоны у команд, подводят итоги, определяют места и команду – победительницу.

Заря света. Благодарю вас, ребята! Вы хорошо потрудились, отгадали мои загадки, вы заслужили отдых в лесу.

Берегите его, изучайте его, у него много тайн и секретов. И чем больше вы его узнаете, полюбите, тем больше вы от него получите. И тогда вас не испугают ни лешие, ни злые духи, ни звери...

Сегодня мы встретились с ними и одолели их, но ещё не до конца победили, потому что они сидят в зале вместе с вами. Разоблачите их и приведите на сцену.

Ребята разоблачают их, они остаются в костюмах героев пьесы.

Леший. Прости нас, Зарясвета.

Дурандиха. Ты победила. Простите нас, ребята! Мы больше не будем вам вредить. Мы хотим вместе жить и с вами дружить.

Заря света. Простим их ребята?

Из зала. Простим.

Заря света. Светлячки – золотнички несите победителям награды!

Вручаются награды.

Сегодня для всех нас праздник леса.

Лес

Что может быть милее леса,
Ходить и в чаще тешить беса:
Идти и думать обо всём
И, в то же время, ни о чём;
Потом остановиться вдруг:
Совсем не те места вокруг,
Перед тобой – во мху болото...
И прошибёт тебя до пота;
Сесть на пенёк, собраться с духом,
Спокойно почесав за ухом,
Прогнать испуга горький ком,
К опушке выйти напрямиком,
Сесть, отдыхая под сосной
И слиться с прелестью лесной.

Давайте и мы насладимся природой, и в этот прекрасный лесной праздник будем веселиться, петь и танцевать!

Танец начинают светлячки – золотнички и Зарясвета. Следующий танец исполняют бесенята, Леший, Дурандиха, звери. Потом, танцуют все вместе.

КОНЕЦ

Примечания. К декорации. Если нет задника, можно создать впечатление леса, закрепив на сцене ветви деревьев и закрыть задний план двумя – тремя небольшими деревцами. На боковых выходах укрепить кусты, чтобы артисты во время представления могли за ними спрятаться. На переднем плане, ближе к авансцене, сбоку – пенёк, задрапированный мхом.

Костюмы для Дурандихи, Лешего, бесенят, совы изготовить из старых халатов, старой ненужной одежды, мешковины... Смазать клеем, посыпать перьями или нашить мелкие тряпицы, траву, верёвки, бахрому и т. д. Маски делаются из ткани или бумаги, или на лицо наносится грим. На шапочки пришиваются ушки и рожки. У Лешего один рог сломан, борода – из тины или другого вьющегося растения; у бесенят – верёвочные хвостики. Можно даже сделать для тапочек накладки с раздвоенным копытцем.

Костюмы для светлячков можно изготовить даже из обёрточной бумаги, покрасив её в жёлто-золотистый цвет.

К постановке пьесы следует подходить творчески, исходя из условий сцены, лагеря; возможно, изменять конкурсы и соревнования.

1994 год.

Добрушские истории

Всякий думает, что место, где он родился и рос, – самое красивое на земле. Но справедливости ради Добруш – действительно окольцован лесами, лугами, полями и водными артериями реки Ипать, которая впадает в Сож. Сам городок это острова и островки, мосты и мостики, с которых открываются великолепные пейзажи. Ипать – составная часть древнего торгового пути славян по Сожу в Днепр, к Чёрному морю.

Сама природа формирует характеры и нравы добрушан, людей эмоциональных, чувствующих и понимающих красоту. Их православие переплетается с язычеством, культ природы в их жизни занимает важное место. Много в Добруше людей, способных к искусству, но ни один не «вышел в люди». Почему? Я много над этим думала и поняла: «Нет у них крепкого духовного стержня, качеств борца, которые помогают побеждать превратности судьбы». И три печальные истории приходят мне на память.

Загубленный баритон

Я преподавала в Гомельском музыкальном училище. У вокалистов вела культуру речи и эстетику. Занятия по культуре речи – индивидуальные. Так я познакомилась со своим земляком, учащимся вокального отделения Шишлаковым Александром. Красивый стройный мальчик, среднего роста, с весёлыми карими глазами и обворожительной улыбкой. На первом же академическом концерте я услышала его голос: красивый бархатный баритон завораживал слушателей, лица их светлели, и я сама вслед за этим голосом отрывалась от земли, растворяясь в его чарующей красоте.

Его преподаватель по вокалу Иван Степанович Проценко – мастер своего дела, говорил мне: «Перспективный мальчик, скоро его услышит свет».

Но судьба уже подстерегала этого юношу. Ивану Степановичу представился случай показать его широкой публике: «Прибалтийский конкурс молодых вокалистов». Председатель жюри – Александра Николаевна Пахмутова. Зал рукоплескал никому ещё неизвестному юному баритону, красивее которого не было на конкурсе. Но призового места юноша не получил, его даже не отметили при подведении итогов.

Огорчённый певец и его расстроенный педагог пошли в ресторан обедать, решили выпить, люди взрослые. И после второй рюмки Иван Степанович сорвался, забыл, что он педагог и понёс: «Ты, Саша, пел лучше всех. Но у жюри всё схвачено, там все свои, мафия. Разве они дадут дорогу певцу из какого-то Гомеля?» – И выпустил в адрес жюри длинную тираду ругательств, будто бросил на хорошую землю сорные семена.

Эмоциональный, переволновавшийся мальчик, под влиянием алкоголя, направился искать Пахмутову. Нашёл её и всё, что слышал от своего педагога, вылил на голову заслуженной знаменитости.

Не успели юноша и незадачливый педагог доехать до Гомеля, как директора музыкального училища вызвали в Минск. Вопрос уже стоял об его увольнении. Но у директора были свои связи, и он уцелел.

Иван Степанович опередил события. Он позвонил своему бывшему ученику, солисту Минского Оперного театра Рудковскому, и тот написал большую хвалебную статью в центральную газету о блестящем педагоге Иване Степановиче Проценко, ученики которого поют во многих театрах страны. Педагог отделался строгим выговором с занесением в личное дело. Пострадал зав. отделением, ему тоже влепили строгий выговор с занесением в личное дело. А Сашу Шишлакова исключили из училища. Отец написал жалобу в вышестоящие советские и партийные органы и этим ухудшил положение своего сына, перекрыв дорогу в будущее.

Учащиеся – вокалисты говорили мне, что Саша запил. Я встретила его через год в Добруше и с трудом узнала.

Двадцатилетний юноша превратился в сорокалетнего мужчину, перенёсшего тяжёлый стресс. Волосы его поредели, появились залысины, а глаза – погасли.

– Чем занимаетесь, Саша?

– Работаю на фабрике.

– Вам надо петь. Вы должны восстановиться в училище. Обратитесь к Пахмутовой, извинитесь, попросите у неё прощения, напишите, что не можете жить без пения. Она же человек, поймёт...

Шишлаков молчал, и какая-то потусторонняя тень лежала на его отрешённом лице.

Мы расстались печально.

Вскоре судьба сама разрешила все его проблемы. Я приехала к матери, и она мне сообщила: «Была на суде. Жалко мужика, дали семь лет строгого режима за убийство сына».

– Зарезал сына, как кабана, – добавила соседка.

– Так за что его жалеть?

– Сын – хулиган. Его из музыкального училища выгнали за хулиганство.

Сердце моё дрогнуло и сжалось: «Как фамилия мужика?» – с трудом проговорила я.

– Шишлаков.

Я вышла за дверь и дала волю слезам. До сих пор я вспоминаю его. И вижу, как сейчас, его весёлые глаза, сверкающую белыми зубами улыбку.

И слышу завораживающий, необыкновенной красоты баритон...

2006 год.

Возвышенная душа

Мне поручили классное руководство у дирижёров-хоровиков. И хотя я нуждалась в деньгах, не очень обрадовалась. Я с ними не проводила занятий, а встреча один раз в неделю с большой группой взрослых людей никак не могла повлиять на уровень нравственного воспитания. Всех их в меру «развратила» божественная жизнь, постоянные поездки с концертами и разные застолья.

Но среди них выделялась своей чистотой и скромностью одна девочка, моя землячка Лена Лазоренко. Её миндалевидные, зелёно-карие глаза смотрели на мир с какой-то возвышенной печалью. Полная отличница: по всем специальным и общеобразовательным дисциплинам – одни пятёрки, очень музыкальная, с красивым сопрано. Она жила в каком-то своём мире, полном музыки и красоты, и хотела остаться в нём навсегда. Её мечта – поступить в консерваторию и стать настоящим дирижёром. Получив красный диплом, Елена отправилась в Минск, поступать в консерваторию. Но главному дирижёру консерваторского хора Ровде нужны были тенора, а сопрано хватало с избытком. И девочку на экзаменах бессовестно срезали. Приняли из нашего училища тенора, ветрогона и бездельника. В учёбе он едва тянулся на тройки.

Такая жестокая несправедливость потрясла девочку. Жизнь без музыки казалась ей нелепой и ненужной. И она решила покончить с собой. Её едва спасли и отправили в психбольницу, в неврологическое отделение. Вернувшись домой, Лена стала работать в музыкальной школе; но дети, далёкие от человеческого воспитания, сопровождали её криками: «Дурная, дурная», – швыряли землёй и камнями. Звериный инстинкт заклёвывать слабого, так жестоко проявлялся у детей, что они не давали ей проходу. Ей бы уехать, но родители оберегали единственную дочь и не хотели отпускать одну.

Кончилось тем, что она зашла в Ипать, и шла до тех пор, пока река не поглотила её.

Когда я вспоминаю об этом, мне кажется, что и я виновата в её гибели. Мне случается бывать на кладбище моих предков, где похоронены и отец с матерью. Поклонившись праху родных, я иду к её могиле, она недалеко. На памятнике вместе с именем выбита лира. Я кладу цветы, кладу цветов и шепчу: «Прости».

2006 год.

Соловушка

Как-то в начале учебного года я проходила по вестибюлю вдоль большого концертного зала и услышала волшебный голос, как будто лившийся с небес, колоратурное сопрано в руладах и трелях, необычайной цветовой гаммы; он завораживал слух. Дирижёр хора Шумилова, прислонив ухо к щели двери, слушала с удивлением и удовольствием. Я тоже остановилась, как вкопанная, и прислонилась к щели. Пение закончилось, и я спросила: «Кто это?»

– Лабудева. Говорят: у неё горло серебром выложено.

Буквально, через день, на уроке литературы и языка я познакомилась с ней. Проверая учащихся по списку, я назвала: «Лабудева».

Вокалисты, как правило, люди внешне очень яркие. Передо мной же встала маленькая, совершенно неприметная девочка. И мне сразу же на память пришёл счастливый случай услышать соловья. Прямо у края асфальтовой дорожки над обрывом к реке Сож, усевшись на ветку куста, пел соловей. Люди останавливались и слушали. Он видел людей, и люди видели эту серенькую кроху, творившую небесное чудо. Он пел, понимая значимость своего волшебства. Я слушала трели и думала, как в этой маленькой птичке вмещается столько чарующих многоцветных звуков.

Эта аналогия вплеталась в образ маленькой поющей девочки. И я подумала: «Соловушка».

Сельская школа не сформировала в ней представлений о людях, о мире. Да она и не знала его. Ей тяжело давались общеобразовательные предметы, а музыкальные дисциплины входили в неё органически, сами собой. История литературы для неё – дремучий лес, но она старалась выйти из его чащи, записывая и переписывая целые статьи в конспект. Иван Степанович Проценко, её педагог по вокалу, подошёл ко мне после педсовета и попросил: «Помогите Лабудевой. Ей нельзя без стипендии, деревенская нищета. Какое там может быть развитие? Алексей Петрович Лукомский услышал её в Добруше на районном смотре школьной художественной самодеятельности. В перерыве отыскал её и сказал: „Приезжай в начале лета в Гомельское музыкальное училище, мы тебя примем. Она, слава Богу, приехала. Мы помогли ей сдать экзамены, зачислили, а она подходит к Лукомскому и спрашивает: „Дядь, а дядь, а ким я буду?“ Он только и мог ответить: „Ну, Лабудева...“ Можете понять её общеобразовательный уровень? Но очень талантливая и перспективная“.

Иван Степанович не мог не радоваться своей ученице. Техника её пения совершенствовалась. Он демонстрировал её, как некое диво. На выпускных экзаменах зал замер, поглощая трели и рулады необычайной красоты. На лицах слушателей отражалось только одно: восторг и блаженство.

Вся Государственная комиссия единодушно поставила ей – 5. Председатель комиссии и зав. кафедрой по вокалу Минской консерватории сказала ей: «Приезжай в Минск, мы примем тебя в консерваторию без экзаменов».

Незадолго перед Государственными экзаменами, по дороге к родителям она в пригородном поезде познакомилась с солдатом – дембелем. Он заканчивал службу в Белоруссии. Она влюбилась в него. После Государственного экзамена по вокалу он сделал ей предложение, и она вместо консерватории поехала с ним в Казахстан. Вернулась в Гомель через два года с мужем и ребёнком. В поисках работы она обратилась в училище, с просьбой дать ей иллюстраторские часы. Но ни её бывший педагог, Иван Степанович Проценко, ни дирижёр Алексей Петрович Лукомский не помогли ей. Она разочаровала, подвела их. За два года она, конечно же, потеряла мастерство, которому учил её педагог. Мне было жаль её, и я спросила у Лукомского: «Почему Вы не хотите ей помочь?» А он мне ответил: «Что я могу сделать, если ей надо называться не Лабудевой, а Лабуховой».

Кто-то из учащихся говорил мне, что они с мужем поселились в пригородной деревне. Муж работал в Гомеле рабочим, а она почтальоном. Но через некоторое время ей предоставили работу директора сельского клуба. Работала она с народным хором и очень быстро потеряла технику классического пения.

Прошло много лет. Однажды в юбилейный праздник Дома детского творчества я с удовольствием слушала вокальный женский ансамбль. Пели на высоком профессиональном уровне педагоги музпедучилища. Один голос колоратурное сопрано, выделялся редкой красотой, а исполнительница смотрела на меня. После концерта подошла и спросила: «Вы меня помните?»

– Лабудева?

– Да, только я давно уже Костенко, на пенсию оформляюсь.

– Ну, как Вы живёте? Где работаете?

– Пока ещё работаю директором сельского дома культуры. Дети выросли, трое их у меня, внуки уже есть. Муж недавно умер, пил много. А я технику пения давно потеряла, веду народный хор.

– А дети, внуки поют? Может, у кого-то из них есть голос, подобный Вашему?

– Нет, к сожалению, – грустно ответила певица.

Я её часто встречаю на поэтических вечерах. Гомельские поэты дают ей свои, не всегда зрелые стихи, и она пишет на их слова прекрасные народные песни и романсы и сама их исполняет. Это звучит превосходно, но мало кто знает о ней, как о композиторе, потому что у неё нет никаких связей в музыкальном мире, да и живём мы далеко от столицы. Я смотрю на неё в зале, ничего вроде бы нет в ней примечательного, а всмотришься в лицо, и вдруг открываешь Нечто, что-то затаённое, необычное, и я думаю: «А ведь весь мир мог бы знать её...»

2006 год.

Дедушкина скрипка

Как-то раз преподаватели нашего училища, муж и жена Андрей и Татьяна Явтуховичи, сказали мне, что купили в деревне Жгунь Добрушского района скрипку, всего за 300 рублей. «Оказалось – мастер Вильом. Купили у Гуцевых. Не знаете?»

Я удивилась: «Как такая скрипка могла оказаться в деревне Жгунь»? И ответила им: «Не знаю». Этот разговор зашевелил мою память, детские военные годы, я вспомнила дедушку Тимофея Афанасьевича Василенко, игравшего на скрипке. Навещая в Добруше мать, я спросила как-то, не знает ли она, куда девалась дедушкина скрипка и Гуцевых из Жгуни?

Мать ответила: «Гуцевы – наши дальние родственники. Девичья фамилия моей бабки Параски по линии матери – Гуцева. А мой дядька Сенька, бабушкин двоюродный брат из Жгуни, который у нас часто гостил, – Гуцев. Дедушкину скрипку взял дядька Сенька в залог за коня, когда немцы вступали в Добруш. Дедушка Тимофей гостил у нас в Карелии, а бабушка с семьёй ушла с частями Красной Армии. Варя – вот-вот родить, и если бы не конь, они бы пропали. Выручили двоюродные братья Гуцевы, Сенька и Афонас. Как только немцы вошли в Добруш, сразу расстреляли всех коммунистов и их семьи, а бабушкина фамилия стояла вначале списка, предал лучший друг.

Рыская по Добрушу с эсесовцами, всё говорил: «Она не могла далеко уйти».

Где-то возле Курска Варя родила в окопе, коня реквизируют красноармейцы, и они уехали уже поездом в глубь страны.

А когда вернулись домой в 1944 году, дядька Сенька потребовал за скрипку коня. А где его взять? Люди пахали землю, впрягаясь, как кони, в плуги. В 1947 году дедушка умер, а скрипка осталась у Гуцевых, а где она сейчас – не знаю».

Я вспоминала большой дедушкин дом в саду, не хату, а именно дом, покрытый с четырёх сторон красной крышей, с очень высокими потолками, с резным, просторным крыльцом, где помещался стол с самоваром. На четыре больших окна – грядка с георгинами, а на три окна в саду – грядка зелёной травки с цветочками-цыганочками. Возле крыльца – высокая вишня, на которую дети легко забирались. Мы приезжали к дедушке и бабушке в гости, потому что жили в Карелии. Дедушка сидел на крыльце и играл по нотам на скрипке. После, работая в музучилище, когда я слушала Моцарта или Брамса, я вспоминала дедушку, потому что это были знакомые мелодии детства.

Мы с сестрёнкой Валеёй зачарованно слушали скрипку, а когда дедушка кончил играть, потребовали дать и нам поиграть. Но дедушка, добрый, любимый дедушка, не дал даже пальцем коснуться скрипки, а положил в красивый футляр, с зелёной бархатной обивкой и спрятал в шкафчик. А ноты дал. Я спросила у деда: «А к чему эти значки?»

– Это азбука, по которой читается музыка. Когда подрастёшь, я тебя научу».

Но научиться играть мне так и не удалось, помешала война.

Карелия – прекрасная страна. В Импилахти родился мой брат, и дедушка хотел познакомиться с внуком, порыбачить на берегу Ладожского озера и полюбоваться красотой края, богатого рыбой и ягодами. В полдень я относила ему обед, а к ужину он приносил рыбу. Последний мой поход по берегу Ладоги запомнился на всю жизнь, потому что началась война, и в этот день немецкий самолёт обстрелял нас, но молниеносная реакция деда спасла мне жизнь. Он, буквально, воткнул меня в расщелину среди камней и закрыл своим телом.

И ещё я вспомнила эпизод возвращения из эвакуации в разрушенный и сожжённый Добруш. Бабушка вернулась из Жгуни, а дедушка вышел навстречу и спросил: «Ну, как?»

– Машинку можем забрать.

О какой машинке шла речь? Наверное, о швейной.

– А скрипка? – хрипло, как сжатая пружина, спросил опять дедушка.

– Когда вернѐм коня.

– А, а, – так же хрипло и печально ответил он.

Удивительный человек был мой дедушка по матери. Судьба деда Тимофея – трагическая. Он сын цыганки-танцовщицы из деревни Романовичи в пригороде Гомеля. Может, и название её – от романов, цыган. А отец его, молодой скрипач из состоятельной семьи, был лишѐн родительского благословения и наследства из-за женитьбы на нищей цыганке. Социальное происхождение Афанасия Василенко я не знаю. Дедушка не помнил отца, но профиль его в виде Мельпомены сделал на трафарете, который под потолком окантовывал стены дедушкиных комнат. Погиб Афанасий трагически из-за скрипки в возрасте 18-19 лет, убили цыгане, а потом другие цыгане вернули скрипку вдове. От горя и слѐз красавица-цыганочка ослепла и вынуждена была просить подаяния. Научила пикировать на скрипке своего малыша Тимошу. Красивый мальчик в 5-7 лет довольно сносно играл на скрипке какие-то народные мелодии возле Дворца кн. Паскевича, привлекая внимание богатой публики. Но сезон быстро заканчивался. Слепая цыганка научилась плести корзины, и всю зиму Тимоша продавал их.

Внешность Тимофей имел исключительную: элегантный и изящный, с тонкими правильными чертами лица. Но нищенское существование сказалось на здоровье деда. Он всю жизнь страдал от болезни лёгких. В десять лет дед Тимофей лишился матери, её сестра-цыганка нашла мальчика, грязного, голодного и ободранного. В Гомеле в районе Монастырька она имела большой дом и выделила ему маленькую кладовку. Мальчик должен оплачивать её, зарабатывая на скрипке. Его определили сначала в цыганский, а потом – в еврейско-цыганский ансамбль, где он, по-видимому, и выучился играть по нотам для богатой публики. Образования он никакого не получил, всему выучился сам, схватывая, как говорят, на лету. По его воспоминаниям, они часто играли во Дворце князя Паскевича. Играли на Нижегородских ярмарках, бывали и в Питере и в других городах. Поздней осенью, зимой они обслуживали богатые свадьбы в Гомеле и за его пределами. На одной такой свадьбе в Добруше Тимофей Василенко познакомился с Семѐном Козловым, мастером-бумагоделателем, солистом церковного хора. Пели они в два голоса, и спелись так, что Семѐн Козлов предложил талантливому, но нищему Тимоше жениться на его дочери Фѐкле. Она плакала, но отца не ослушалась. А красота, доброжелательность Тимофея Афанасьевича сделали своё дело. Семѐн Козлов дал дочери хорошее приданное: участок земли для строительства дома и ведения хозяйства, денег, а главное – постоянный заработок на бумажной фабрике. Дедушка и бабушка любили друг друга самоотверженно. Имели семерых детей. Советская власть в какое-то время несколько ухудшила материальное положение семьи, но не разрушила её благосостояния, а детям, напротив, открыла большие перспективы. Война разрушила всё!

Дедушка мой, Тимофей Афанасьевич, был замечательно талантливым, можно сказать, высоко профессиональным артистом. В доме у деда, даже после войны проводились вечера, два больших зала позволяли это. То бабушкина бригада, то мамыны друзья, то тѐтины товарищи по работе просили дедушку исполнить его песни, которые он сам сочинял, и стихи и музыку. Тексты – по типу народных, не замысловатые. Но исполнял их мой дед уже без аккомпанемента, без скрипки, с таким артистизмом, с таким эмоциональным накалом, что вызывал у слушателей добрые чувства удовольствия и восхищения. Он пел много песен, но я их не запомнила. А тексты с юмором частично сохранились в памяти. Начинал он своё выступление с песни, из которой я помню три строфы.

Раз пошѐл я по бульвару,
В ресторанчик я попал
И шикарных три девицы
Я там сразу увидел.

С этой тройкой в кабинете
Пил вино и фрукты ел,
А потом я тети-мети,
Обнимал и громко пел.

А под утро с той попойки,
Весь измятый и хмельной,
Без гроша, я вместо тройки,
Молча, еле брёл домой.

И ещё я помню песню. В детстве в исполнении деда она казалась мне смешной.

Собирайся, сын, в дорогу,
Заработай денег много;

Поезжай в столицу Питер,
Из долгов никак не выйти.
А иначе нам – разор,
Пропадёт хозяйство, двор.

Колесом вертел я месяц –
Получал я рублей десять.

Пишет папенька письмо:
«Не готов ли нам помочь?
Приезжай, сынок, домой,
У нас праздник годовой».

Я ответ ему пишу:
«Я, папаша, поспешу –
Продай, папенька, коня,
Нет у денег у меня.

Продай, папенька, корову,
Вышли денег на дорогу.

Продай, папенька, свинью,
Я долги поотдаю.

Продай, папенька, курей,
Вышли денег поскорей.

Продай, папенька, гусей,
Мне не хватит суммы всей.

Продай, папенька козу,
Я гармонь себе везу.

Продай, папенька, быка,

Чтоб завлётки – по бокам».

При исполнении песен, он эмоционально закручивал музыкальный звук на «й». Например, ...«в ресторанчик я й попал». Й вызывало удивление, восхищение и ещё что-то лукавое и подспудное. Это Й он вставлял во многие строчки, и оно, в зависимости от текста получало совершенно новую эмоциональную окраску. Красивый баритон ласково завораживал, очаровывал, гипнотизируя и подчиняя своей воле внимание, даже порядком выпивших людей.

По природе он имел редкий голос, не столько сильный, сколько богатый по своей цветовой музыкальной окраске.

Обладал ли он гипнозом? Наверное, да. Люди, особенно женщины и дети, к нему просто клеились. У него было доброе биополе. Я думаю, что хороший певец должен хотя бы немного владеть гипнозом.

Завершал он своё выступление козырной песней, на самом высоком эмоциональном уровне. Это хорошо известная народная песня, которую исполнял Шаляпин и которая и сейчас звучит на сценах страны:

То не лёд трещит,
Не комар пищит,
То кум до кумы судака тащит...

Только начинал её дед другими словами:

Ой, кум до кумы залицався:
Ой, кума, ты душа,
Вот как хороша.

А дальше шли слова: «То не лёд трещит...» Она считается народной, но сочинил её мой дед Тимофей Афанасьевич Василенко, как и другие песни, которые он пел, в конце 19 века. Конечно, доказать это трудно. Но проследив словарный состав двух первых песен и последней песни, можно убедиться в одном и том же авторе. Одно могу сказать: словарный состав трёх песен соответствует говору Гомельщины конца 19 века на стыке трёх речевых границ. Это речь горожан г. Гомеля, говоривших по-русски, но употреблявших некоторые слова и обороты из украинского и белорусского языков (да кумы, юшачка, тащит, пацалуй, и др.).

Мой дедушка, по истине, родился весёлым человеком, с искоркой и насмешкой. Любил посмеяться над нашей детской дуростью легко и едко, хотя большая часть его жизни – трагическая! Схоронил двоих детей-малюток, четырёх внуков, которых нянчил. Война лишила половины его детей. Погибли старшая дочь Варя и её муж, осталась сиротой трёхлетняя внучка. Погиб сын Петя.

Война прокатилась тяжёлым жерновом и по нашей семейной жизни, по нашей духовности: лишила дедушку скрипки, отца – гармони, сестру Валю – балалайки (она иногда поиграет заскорюзлыми от земли пальцами «Собачий вальс» – и всё! А когда-то её руки были красивые, с длинными, изящными пальцами, с классическими ногтями – только для скрипки).

После войны остался один пробитый кем-то цыганский бубен, с серебряными тарелочками и медными (а, может, из сплава) бубенчиками; они, как металлические мячики, только из двух свободных половинок с дырочками. Я любила в детстве играть с бубном, позванивать им и слушать. Но и бубен кто-то украл. А я за всю свою жизнь больше не видела таких бубнов.

Я слышала, когда дед уже пел свои песни без скрипки, а капелла. Представляю, как это звучало в музыкальном сопровождении.

Умер дед рано, прилёг и уснул навсегда, ему не было и шестидесяти лет.

Может, если бы вернулась его скрипка, он прожил бы дольше. После смерти дедушки в 1947 году жизнь нашей семьи покатила в сторону от искусства, в трясины обывательской Добрушской жизни, с постоянной заботой о куске хлеба.

1978 год.

Посторонний шум (рассказ тракториста)

Веду это я трактор и ясно слышу: «Тык, тык, тык... посторонний шум!» Что такое? Трактор, вроде, легко идёт, вчера выпил в меру, а шум посторонний имеется: тык, тык, тык, даже в пот бросило и в голове шумит. Остановил трактор, отошёл в сторону – всё равно слышу шум посторонний. Эге! Дело плохо – в ушах шумит. Вчера ветер был – надуло. Опять сел за руль, а в ушах – тык, тык, тык... голова трещит, то в жар, то в холод бросает, еле до конца рабочего дня дотянул.

Прихожу домой... «Жинка, – кричу, – ставь бутылку, уши пухнут, лечиться буду». А она в ответ ещё громче: «Ах ты, негодяй, сколько можно!» И пошла и поехала... одолела чёртова баба, потому как в голове шумит, в ушах – тык, тык, тык... Разделся и лёг. Жинка замолкла, подошла тихонько и ласково так: «Вань, а Вань, чтой-то с тобой?» Не то ей странно, что без ужина лёг, а то, что лёг. Я, как горячее приму, ни в жисть спать не буду. Мне тогда компанию подавай, народ и трибуну, могу и театр сделать. Так и выступаю, пока к утру жар начнёт выходить... А тут лёг, потому как в ушах – тык, тык, тык... Жинка руку на лоб: «Вань, горячий ты больно, захворал, милый, скорую помощь вызову». А мне уж всё равно. Вызвала. Через два часа приезжают. «Что, – спрашивает доктор, – болит?»

– Да вот, посторонний в ушах шум имеется: тык, тык, тык...

Поставил градусник: «Открой рот. Водку пьёшь?»

– Пью. – говорю.

– Это видно. Давай градусник. Сорок градусов. Сестра, сделай жоропонижающее. Утром к врачу пойдёшь. Всё.

От внимания такого сразу легче стало, только в ушах шум посторонний по-прежнему, утра дождался, пришёл к врачу – опять градусник.

– Симулянт, – говорит.

– Да, что Вы, доктор, в ушах у меня шум посторонний: тык, тык, тык...

Посмотрел в ушах: «Странно, – говорит, – в больницу поедешь, там разберутся».

Взял я направление, зашёл домой, так-мол и так, в город в больницу еду. Тут жинка запричитала: «Такой-сякой, допился, в больницу кладут, может, теперь пить перестанешь», – и слёзы в три ручья, будто я помирать собираюсь.

Приезжаю это я в больницу, вижу дверь: «Приёмный покой». Стучу. Ответа нет. Ну, думаю, подожду, может, человеку – надо. Жду я это, жду. Через каждые десять минут в дверь постукиваю, время для надо – уж больше чем надо. Час прошёл, забеспокоился я, давай стучать кулаком. Открылось окошечко: «Что стучишь? Ошалел. Не к жене в квартиру ломишься!»

– По направлению я.

– С утра принимаем. Завтра придёшь.

– Из района я. Где ночевать буду? Никуда я не пойду. В ушах у меня шум посторонний...

– Давай направление, пойду у дежурного врача спрошу. Жди, – и захлопнулось окошечко.

Жду я это, жду, час проходит, дугой начался, открывается дверь: женщина, в три раза шире моей жинки, в белом халате, сурового виду...

– Входи. Садись. Дежурный врач тебя осмотрит. Жди.

И тут я сразу заробел и как-то сник, да и в ушах посторонний шум усилился. Сижу на кушетке, жду, в ушах – тык, тык, тык... Мимо меня эта женщина в белом халате: пройдёт, уйдёт, придёт, пишет; а потом снова: пойдёт, уйдёт, придёт, пишет... вроде, меня и нет, а в ушах всё – тык, тык, тык... Дальше, как в тумане, вроде, другая женщина, видно, врач: градусник ставит, давление измеряет, что-то спрашивает, а я отвечаю. Потом позвала:

«Семёновна, определи больного. 7-ой этаж, 6-ая палата».

Смотрю: бабуся передо мной в белом халате, маленькая, лицо в морщинках и взгляд ласковый, взяла меня за руку и повела: «Раздевайся, сынок, мыться будешь». Тут у меня в глазах малость прояснилось, вижу: над ванной кран открывает, вода горячая, аж пар идёт.

– Ты, смотри, сынок, не обожгись, крепко вода горячая, а холодной нету; крант испортился. Я тебе с другого крыла в ведре холодной принесу. Взяла ведро и пошла. Жду я это, жду, нету бабуся, в ушах шум посторонний и в холод бросает. Поглядел я на краны, туда-сюда покрутил, дело привычное, смежные профессии у меня не зря имеются; исправил – вода горячая, вода холодная... Залез в ванну, лежу, греюсь. Бабуся приходит, ведро воды еле тащит.

– Ай, сынок, не обжётся?

– Нет, – говорю, – кран исправил, вода твоя без надобности.

– Ай, спасибо, сынок, вылезай, бери бельё, пижаму.

Оделся я: штаны в обтяжку, до колен, ну, как иностранец, шорты это у них называется; из куртки руки до локтя торчат.

– Бабуся, другую дай!

– Другой, сынок, нету. Стандарт. На лифте сам поднимешься? 6-ая твоя палата, 7-ой этаж. Только ты, сынок, запоминай: кнопку нажимай на одиннадцатый этаж, а оттуда по лестнице спускайся на седьмой этаж. Если на семь нажмёшь, беды не миновать – застрянешь между этажами.

Добрался я до седьмого этажа. Больница новая, на целый квартал, коридоры, как проспекты, переходы, холлы, мебель мягкая, зелёные насаждения – заплутать можно. Ну, всё ж нашёл я шестую палату; как говорят: «Язык до Киева доведёт». Кровать, тумбочка, бельё чистое – всё как надо; люди хорошие попались: один шофёр, кореш мой из соседнего села, с ушами, а другой интеллигент, то ли кандидат, то ли член-корр... запамятовал, – с гландами, и пацан-шестиклассник, шустрый такой, – с гландами и с ушами. Шофёр, тот всё папироску в зубы и курить куда-то через каждые полчаса бегает, а интеллигент газетку всё читает и из литровой банки по глотку какое-то лекарство пьёт, а запах, чую, коньячный и цвет такой же.

Лежу это я, лекарства жду, потому как в ушах – тык, тык, тык... Ужин принесли, а лекарства нет, назначение, говорят, ещё врач не сделал, а мне и не до ужина.

После ужина вся палата отправилась в холл, телевизор смотреть. Остался я один, в ушах трещит – спасения нет; решил тоже пойти – может, какое отвлечение будет. Прихожу: фильм показывают, названия не знаю – опоздал. Хотя в голове шум посторонний, но однако понял: про любовь. Она, значит, белая, а он – негр, Ателой зовут. Она такая нежная, а он хотя и негр, а мужик, что надо. Ну, и подонок там один оказался, Ядом прозывается. Он у жинки Атела украл платок и другому подбросил, чтоб, значит, опозорить женщину. Ну, а Атела рассверипел... понятно, всякому мужику обидно... И вот, значит, когда Атела начинает отношения выяснять, приходит дежурный врач, очень серьёзная такая женщина, и командует: «Быстро по палатам, не нарушать режима». Больные просят, а она – ни в какую, подошла, штепсель выдернула, и все разошлись. Чем там дело закончилось, развелись они или нет – не знаю, так как отвлечение моё кончилось.

Пришли опять в палату. Известно, не нарабоавшись, какой тут сон, да и в ушах всё это: тык, тык, тык... ну, спать никто и не хочет. И тут интеллигент решение находит: «Давайте, я вас обучу в английский бридж играть». А мы не против... Вы думаете, это шары жентельмены по полю гоняют? Нет! Я тоже так думал. Это оказывается обыкновенная игра в карты на деньги, но очень умственная. Стал нам интеллигент объяснять, но сразу трудно понять. К тому ж у меня в ушах шум посторонний. Я так сразу и говорю интеллигенту: «Эта игра умственная, я в ней – баран». И напарник мой тоже согласный. А интеллигент отвечает: «Чепуха! Я и не таких баранов высшей математике обучаю». Мужик он серьёзный: враз и обучил – захватывающая игра, я вам скажу, интеллигентная. Ну, однако, я без интереса играл, для отвлечения, потому как шум посторонний крепко мешал.

А Сашок, пацан-шестиклассник, талантливый шельмец оказался! У нас всю мелочь забрал и у самого интеллигента 2 рубля на третий день выиграл. После этого интеллигент игру эту прекратил.

На второй день смотрю: рано утром знакомая бабуся помыла полы в коридоре шваброй драит.

– Здравствуй, бабуся! Ты что ж все этажи убираешь?

– Нет, сынок. Первый этаж – за себя, а седьмой этаж – за внучку.

Не починишь ли, сынок, крантики в туалете? Инструмент имеется.

– Могу.

Позвал я своего кореша-шофёра, и мы с ним все краны исправили.

– Ну, – спрашиваем, – бабуся, может, ещё что починить?

– Нет, сынки, спасибо, на моём участке – полный порядок!

Вот так, значит. Лежу я в этой больнице с пятницы... суббота, воскресенье прошли – лечения никакого, а в ушах шум посторонний усиливается... Ну, думаю: может, в понедельник лечить начнут. А в понедельник – операционный день, врачам не до меня. И вот в этот день, к вечеру, правду говорят: понедельник – тяжёлый день, меня крепко схватило; в жар, в холод кидает, в голове будто кусками мозги вырывают, и вся палата – в тумане. Интеллигент не выдержал, начал за меня с сестрой ругаться: «Почему не даёте человеку лекарства, у него температура до сорока поднялась». А она ему: «Назначения нет, я за него ответственности нести не собираюсь». Схватился он так с сестрой, в палату пришёл белый, как снег, выругался по-русски и говорит: «Выпей моего лекарства, может, легче станет, – открыл крышечку с литровой банки, налил в мой стакан, – пей!»

Я выпил, сразу тепло знакомое по жилам пошло, озноб перестал и, кажись, заснул. Интеллигент – мужик оказался мировой, лекарство отличное – коньяк, пять звёздочек.

Во вторник, наконец, врач осмотрел, прописал анализы, а в среду лечение началось: уши мазью намазали и повязку сделали, четыре раза в день процедурная сестра уколы делает. Ну, я вам скажу: «Сестра – высший класс! Не сестра, а настоящая фея смерти. Глаза – чёрные, большущие, ресницы длинные, а вокруг глаз тени синие положены, на руках – ногти синим лаком намазаны, на голове такой убор, белый, высокий, как у этой, ну, которую на медальонах и чеканках изображают, Нифингити, кажется. Фигурка, как выточенная, белым коротким халатиком обтянута, ножки стройные... Как каблучки по коридору: тык, тык, тык... нас сразу в дрожь кидает. Появляется: в правой руке – два шприца между пальцами зажаты.

Ну, Петухов, ложись на живот, освобождай место для уколов, – и сразу двумя шприцами в это место попадает. Я сначала терпел, а потом говорю: «Я тебе не мешок с соломой, можно и помягче».

– Ничего, жив будешь, – и по этому месту – хлоп: всё; следующий...

Перед этой процедурой интеллигент обязательно глоток из литровой банки делал, а после – три. А шофёр, мой кореш, целый час в туалете курил.

Ну, так вот: из-за этой феи смерти и начался мой позор. В четверг, как услышали мы по коридору стук каблучков: тык, тык, тык... так сразу в дрожь бросило. Входит фея со шприцами в руках, потянула носом, повела глазами – и тут они у неё круглыми стали, как стеклянные: «Вы что здесь конюшню развели? Здоровые жеребцы, а кругом – пыль, пол грязный, вонища! Кто за вами убирать будет? Почему не убираете? И дальше... в таком роде.

Смотрю: интеллигент белый стал, но молчит, кореш мой красный, как индеец, на лбу пот выступил, но на интеллигента глянет – и тоже молчит. Сашок молчит и я, понятно, молчу. Однако гордость во мне враз взговорила, даже боли от уколов не почувствовал. Шутка ли, чтоб так на меня посторонний человек кричал. Хоть и фея смерти, однако ж, баба. В нашем селе женщины ко мне с почтением относятся, от людей я всегда уважение имею, так как человек я – трудолюбивый, аккуратный и жалостливый. Всякая ко мне с просьбой: «Вань, Ванюша, сенца там подбрось на тракторе, лес привези, дровишек, картошки к дому доставь». Даже бабы

первые кланяются. А как доброе дело сделаешь, тут тебе и бутылка, и закуска, и каждый всегда в гости, в кумовья зовёт, и на свадьбы, и на поминки. С этого малость перебор по пьяному делу получается и крепко на здоровье отражается. Разлюбезной своей куме-вдове в осень дровишек привёз, она меня на радость так попотчевала, что я ничего после не помнил, а дорогу домой инстинктом нашёл. Наделал дома таки переполоху. Жена и тёща говорили, что на четвереньках приполз. Они меня на кровать уложили, а у меня этого в памяти нет. А вот помню, чудно; лежу на кровати и вижу: под диваном река течёт, песочек жёлтенький, солнышко светит, а на песочке – Чебурашка, зелёный такой, с хвостиком, симпатичный, веселенький, улыбается мне и зовёт меня к себе. Я с кровати – и к нему. Жинка и тёща рассказывали: всё наровил голову под шкаф засунуть, они меня держали за ноги и за руки, боялись, что удушусь, я всё равно рвался... До утра мучились, а всё ж удержали. С той поры я осторожней в пьяном деле стал, но по-прежнему от людей уважение имею за свой аккуратный труд и доброту.

Акромя как, Ваня, Ванюша, другого обращения от баб не имею, ну, жинка – не в счёт. А тут, видишь, в больнице – такие слова... Полное оскорбление, вся так кровь во мне и кипит. К тому ж и, вправду, за всё время, что мы в палате жили – никто у нас не убирал, а мы тоже про это не думали.

– Что, говорю, – мужики, значит, убирать надо? А почему они не сказали нам раньше, тряпки не дали, швабру тоже. Раз я здоровый, сбрасываю свою повязку и прямо мимо феи – в туалет, намочил водой, давай подоконники и тумбочки драить, а тут слышу: каблучки к палате приближаются: тык, тык, тык... открывается дверь: она, фея смерти, глаза круглые и стеклянные.

– Ну, Петухов, грубиян, смотри, твои хулиганские выходки тебе дорого обойдутся.

Дверью хлопнула и только каблучки: тык, тык, тык...

Полное расстройство наступило в нашей палате. Тут интеллигент говорит: «Давайте от расстройства лекарство моё выпьем на троих». Разлил в три стакана – выпили. Я ему говорю: «Ты хотя и интеллигент, но человек с большой буквы. Не могу перед тобой в долгу оставаться. И кореш тоже со мной согласный. Пошли мы с ним в магазин, у больницы рядом. Взяли две бутылки, возвращаемся в палату и тут, значит, навстречу – фея смерти, каблучками – тык, тык, тык: «Зайдите оба к главврачу.»

Пошли мы, а он нам говорит: «Обоих выписываю за нарушение режима».

Так и остались мы с корешем в долгу перед интеллигентом, крепко он расстроился, в гости приглашал.

Тут жинка моя как раз проведать меня приехала, как узнала – к главврачу: «Как же Вы его недолеченного выписываете, ведь это ж голова, помрёт человек». Тут слышу каблучки: тык, тык, тык... и меня в жар, и в холод бросило, в голове – шум посторонний...

– Не помрёт, – отвечает главврач, – наука ему будет, хулиган.

И тут ручка, с синими ноготками подаёт мне вместо больничного листка, справку о нарушении больничного режима. Повернулась фея смерти – и пошла: тык, тык, тык... Вслушиваясь: шума постороннего в ушах нет, в голове светло и так мне легко стало:

– Идём, – говорю, – жена, я – здоровый.

На работу утром прихожу, а мне бригадир: «Ты где столько гулял, куме веранду делал? Все отгулы использовал, теперь, давай, браток, за работу, выходные не скоро будут, у твоего напарника – белая горячка, в больницу попал. После работы кум на славу угостил, и он с пьяных глаз в контору явился и со второго этажа в окно выпрыгнул. За дерево штанами зацепился, висит, как мать родила, только голова рубашкой прикрыта, и всё говорит: «Дай я тебя за хвостик подержу». Оттуда его сняли и в больницу доставили.

– Так что, Петухов, работы много».

1978 год.

Воришки

С каким волнением смотришь на родное дитя после долгой разлуки. То же чувство охватывает тебя в родных местах. Вглядываешься в каждый дом, улицу, в дерево, знакомое с детства, отмечая неизгладимые следы времени. Бывало, летом отойдёшь от родного порога, – и сразу же перед тобой совхозные угодья: в низине – заливной луг, а справа, чуть выше – хлебные поля, слева – подковой до самого берега Ипути тянется лес. Теперь городок придвинулся к лесу, потеснив поля. Новые прямые улицы: одна, другая, третья... крепкие красивые постройки из кирпича с газом, водопроводом, с ваннами и канализацией. Многие усадьбы обнесены высокими заборами и почти в каждом дворе – гараж. Там, где заборы поменьше, видны чистенькие дворики, ухоженные грядки и цветники, посажены молодые деревья. Здесь живут рабочие бумажной фабрики, трактористы, шофёры, комбайнеры.

Мне любопытно рассматривать дома. В каждом виден вкус и характер хозяина. У одних – кладка украшена национальным орнаментом. А здесь на весь фасад – олени, а этот дом по количеству окон похож на начальную школу послевоенного времени, с той только разницей, что тогда постройки были деревянные. Да, богатеют мои земляки. Не мало надо денег на такую постройку. Хороши дома, но по улице идти трудно: строительный мусор, битая посуда, всякий хлам. Улица – общественная территория, пока никому до этого дела нет.

Я с радостью выхожу на полевую дорогу. Утро солнечное, будет жарко. Даль – в дымке; весь пейзаж окрашен в мягкие, пастельные тона. На волнующийся шелковисто-зелёный луг словно кто-то брызнул красной краской. Это коровы. Нет, не стадо. Каждая корова пасётся отдельно, привязанная длинной ремённой верёвкой к колу, вбитому в землю, как собака на цепи. Старые коровы давно привыкли к своему одиночеству и старательно щиплют траву, а молодые – тоскливо мычат, жаждут общения. Справа, в поле совхозного люпина, видны три детских фигурки. И далеко у леса – ещё одно красноватое движущееся пятно. Наконец начинаю различать: конь, верхом на нём – грузный мужчина, ноги почти достают до земли, конь будто прогибается под ним. Пожилой человек, с круглым, толстым лицом в очках. Вся его фигура кажется нелепой; несмотря на тучность, в нём – что-то дон-кихотское. Он подъезжает к детям, что-то негромко гневно говорит им, не слезая с лошади, отбирает мешок. А когда я поравнялась, страдальческим хриплым голосом говорит мне: «Совсем обнаглели, идут прямо с косами». Всё ясно, – воришки! Три мальчугана, крепкие, как боровички; круглолицые, загорелые, в одинаковых коротких штанишках, видно, братья. На траве у дороги лежит новенький велосипед, рядом – коса. Когда сторож повернул на дорогу, они дружно начали просить: «Дядечка, отдай мешок, нечим корову кормить!»

Мне почему-то стало жаль мальчишек: видно, на речку торопились, не усмотрели сторожа и попались, а теперь от родителей будет взбучка.

– Дядечка, – как-то по-щенячьи заканючили мальчишки, – отдай мешок!

Посмотрев на меня, сторож ответил: «Ладно, отдам, когда буду ехать назад, а вы всех коров, что пасутся на поле совхоза, привяжите к столбам на дороге». Младший мальчуган, лет семи, в красной маячке радостно воскликнул: «Это можно». Средний, в белоснежной спортивной рубашечке, немного подумав, повторяет: «Это можно». А средний молчит. Ему лет десять-одиннадцать, в элегантной шёлковой тениске, подобранной в тон к новому велосипеду, который лежит у его ног. Потом, приняв окончательное решение, заявляет: «Ну, дядька, кали сбрэшишь, зарэжу каня». В тоне голоса такая решительность, что ясно – зарежет. Сторож без гнева и удивления отвечает: «То так», – и выезжает на дорогу. Я иду дальше. На совхозном поле то там, то тут, как лишаи, – выкошенные места. У опушки я оглянулась. Под солнцем своей летней палитрой смотрелся мой родной городок. Крайние улицы выгодно и красиво отделялись от послевоенных построек. По дороге, идущей вдоль городка, с края луга появилась яркая

цепочка. Красные пятна одно за другим двигались, как ртуть, к дороге. Мальчишки привязывали коров к столбам. В траве их фигурок не видно. Яркая цепочка становилась всё длинней и длинней. Солнце поднялось уже высоко, становилось жарко. А мне ещё надо набрать свой трёхлитровый молочник земляники. Я вошла в успокаивающую тень леса.

1973 год.

Митька Лэпша

Лэпша – кличка одного из предводителей уличной шпаны; произошла, очевидно, от корня «леп» (леп-о, леп-ший); что значит хороший, лучший. Но всё поведение Митьки Лэпши прямо противоположно его кличке.

На своей улице Артиллерийской он знаменит далеко не лучшими «подвигами». Его шайка делала налёты на сады, поля совхоза и творила другие мелкие пакости. Уже в десять лет он со своей блатной (добрушское слово) сотворил невероятное преступление.

А было это так. Улица одним своим концом выходит к полю, за которым есть лужок, а дальше тянется лес. От конца улицы по полевой дороге всего в пяти километрах, на взгорье – старообрядческая деревня Марьино. Из-за различия в вероисповедании между жителями окраины Добруша и деревни Марьино – вечная неприязнь. Марьянцы называют добрушан мазепами, т. е. предателями, а женщин презрительно – «алёнами». Добрушане именовали марьянцев не иначе, как «чёртовы маскалы». Время очень медленно разрушало эту неприязнь, но всё же разрушало, потому что москалы иногда женились на алёнах, а добрушане брали в жёны москочок и наоборот.

Так вот родной дядька Митьки Лэпши женился на москочке и пошёл примаком в Марьино. Этот Митькин дядька, заражённый алкоголем с детства, к тридцати годам уже нажил двоих детей и стал абсолютным алкоголиком и своими запоями будоражил всю деревню Марьино. Он орал, сквернословил, обзывал население «проклятыми москалями», а самое ужасное – избивал жену и детей; а те прятались по разным избам у соседей и родственников. Он настолько измучил всех, что деревня расправилась с «мазепой» так жестоко, как не придумал бы и сам Сатана.

Однажды в запой, побуянив вдоволь, он свалился на улице. Деревенские дети отыскивали старую дверь, положили на него сверху и начали дикую пляску. Он очнулся сразу, кричал от боли на всю деревню, обливаясь кровью, пока не замолчал навечно. При вскрытии трупа следствие выяснило, что у погибшего не осталось целой ни одной кости, даже косточки; весь скелет был зверски изломан. Милиция, расследуя преступление, зашла в тупик; привлечь к ответственности было некого, так как на двери танцевали дети Марьино от двух лет и выше. Взрослые заявляли единогласно: «Не слышали, не видели, не знаем». Дело замяли.

Но не забыл об этом Митька Лэпша. На лужку, за улицей, постоянно паслись милицейские кони. В один из дней подростки, возглавляемые Митькой Лэпшей, сняли у них путы; вооружившись камнями и палками, вскочили на коней и поскакали в Марьино. Вихрем пронесли через всю деревню, повывивали в окна стёкла и исчезли. А вернувшись назад, снова спутали лошадей и разбежались по домам. На сей раз обошлось без жертв. Но на другой день представители Марьино обратились в милицию, заявив, что пьяные милиционеры, их лошади, сделали налёт на деревню и выбили все стёкла, пообещали обратиться в Москву, если милиция не накажет разбойников.

Опешившая милиция стала искать этих разбойников, их быстро вычислили. В детскую колонию никто не попал, но родителей оштрафовали и дело закрыли.

Упокоился ли на этом Митька Лэпша? Нет. По вечерам его дружки сбивались в ватагу и, таскаясь по ночам, по-прежнему делали всякие пакости. Знакомая моя, баба Любка называла их не иначе, как «дураё...» и добавляла «бы» (слово бытует только в Добруше). У неё с ними были свои счёты, однажды они её крепко напугали. Давно сломался её старый телевизор, и она, большая любительница сериалов, прихватив годовалого внука, которого подбросила её дочь, ходила смотреть их к свояченице, жившей от неё через две хаты. Её маленький внук тоже с интересом тарасил глазки в телевизор и спокойно засыпал у бабушки на коле-

нях. Однажды в полночь со спящим внуком на руках она вышла из калитки и во тьме увидела группу подростков, человек пятнадцать... Сердце её ёкнуло, ожидая недоброго, она плотней прижала к себе внука. Они о чём-то говорили, а потом замолчали, молча выстраиваясь в коре. Поравнявшись, окружили и дружно гаркнули: «Га!» От неожиданности метан, накопившийся у бабки от неудобного сидения и от бульбы с кислым молоком, которыми угощала её свояченица, вырвался наружу со взрывом, сильнее пятнадцати глоток. В ответ раздался новый взрыв хохота... Перепуганный ребёнок проснулся и заплакал... Баба Любка прошла сквозь строй ржавших юнцов и, выйдя из кольца, бросила вслед то неблагозвучное слово, о котором я упоминала раньше, прозвучавшее, может быть, даже впервые: «Дураё... дитёнка перепугали!»

Целую ночь баба Любка пыталась успокоить внука, и только с восходом солнца он перестал плакать и уснул.

Творить пакости, получая удовольствие, стало смыслом молодой нелепой жизни Митьки Лэпши. К совершеннолетию он уже стал алкоголиком. Однажды, шатаясь, Митька шёл мне навстречу... Всякий раз, споткнувшись, он оглашал улицу сквернословием, и мне казалось, что оно разрывает всё биополе Земли, засоряя его злобой и смрадом. У ворот одной хаты лежала куча лозы, привезённая для плетения корзин. Хозяин ещё не успел перетаскать её во двор. Наткнувшись на кучу, пьяный Лэпша споткнулся, ухватился за ветки и оглашая улицу бранью, растягивая слова, выговорил: «По-на-са-жа-ли тут всяких деревьев...» И опять сопроводил эту фразу отборной матерщиной. Цепляясь за ветки, он всё же обошёл кучу и, увидев меня, пьяно устоялся, как бык. Грязные его волосы прилипли к голове, из красных глаз текла жидкость, а из носа – сопля, в уголках рта запеклась пена, пьяная гримаса исказила лицо... Я с отвращением отвернулась. Он разразился новой тирадой брани. Из калитки вышла старуха, с пониманием посмотрела на меня, как бы говоря: «Что с него взять? – и выразительно произнесла вслух, – тубе... (добавив в конце «н» с мягким знаком). Это слово тоже «произведение» устного народного творчества добрушан.

Случай свёл меня с Митькой Лэпшей ещё раз. Как-то за полночь я возвращалась с поэтического вечера. Светила луна. Я шла из одного конца города в другой, через все четыре моста над Ипутью и любовалась искрящейся рекой, чарующими островками, поросшими кустарником и деревьями. Невольно всплывало моё прошлое, потому что это была дорога моего детства и ранней юности. Каждый отрезок пути рождал во мне воспоминания. Вот здесь на этой насыпной дороге у среднего моста, когда мы с моей подругой Тамарой возвращались из клуба домой, в такую же ночь, молодой инвалид войны без ноги решил покончить с жизнью. Он швырнул на деревянный тротуар костыли и покатился с крутого склона вниз, как колобок, через секунду оказавшись в воде. Я бросилась со склона за ним и закричала: «Держись за сваи, я найду большую ветку». Вода не приняла его. Он поплыл на середину, чтобы утонуть. А я опять закричала: «Что ты делаешь, куда ты поплывёшь? Вернись. Зачем?» Что-то в моём голосе подействовало на него, и он поплыл назад, цепляясь за сваи. Увидев идущего по тротуару мужчину, я, как собака, на четвереньках, бросилась вверх, умоляя вытащить инвалида; и снова сбежала вниз, обращаясь к несчастному: «Зачем? Ну, зачем?» Похоже, он начал внимать моим словам, потому что уцепился уже руками за сваю. Втроём мы вытащили его наверх, сняли с него мокрую шинель и посадили на тротуар. Парень-спасатель пообещал доставить беднягу домой.

Это грустное воспоминание не разрушило моего лирического настроения, но навело на размышление: «Зачем люди так нещадно калечат свою жизнь?» И всё же я любовалась склонами дороги, с высокими ольховыми деревьями, которые, как мне казалось, помнят мой юный звонкий голос. Я уже подходила к своей улице в районе леска. Здесь лес рос давно, до моего рождения. Теперь осталась низина, с квакающими лягушками, и название. Сразу повеяло холодом и сыростью. Прямо у меня на пути лежало чьё-то тело. Я наклонилась: человек спал, он спокойно и ровно дышал; взгляделась: так это же Митька Лэпша! Головой он лежал в сторону нашей улицы; видно, пьяный свалился. Свет луны столбом падал на его фигуру. Лицо от лун-

ного света казалось мраморным. Растрёпанные светлые волосы обрамляли красивый чистый лоб. Я впервые заметила, что черты лица его правильны, нос прямой и красивый; и лицо, и всё его тело являло полную гармонию: прекрасный юноша, спящий принц. Одна рука была отброшена в сторону, как крыло, готовое взлететь. Его беспокойная душа сейчас пребывала в каком-то творческом паренье. Я стояла и долго смотрела. Какая женщина не zalюбуется мужской красотой! Глядя, я подумала: «Надо бы разбудить: сыро, холодно». Но вспомнив тирады его сквернословия, удержалась: «Лето, не в первый раз. Спи, красавец, потомок древних ради-мичей, славянин, русич. Дай Бог, тебе проспать и проснуться...»

2001 год.

Невеста

Невеста! Я ещё в юности поняла, что это старомодное слово – многогранное понятие о силе и нравственной готовности, способной принести на алтарь любви и семейного очага свою верность и чистоту. Не всякая юная особа может стать настоящей невестой.

В 1949 году я жила в маленьком городке, на берегу реки Ипути и работала старшей пионервожатой в школе. Я целый день носилась по классам, но часто забегала в приёмную директора, потому что там секретарём работала моя подруга Таня. Мне только пошёл семнадцатый год, а Тане исполнилось уже восемнадцать лет. В отличие от остальных моих подруг, Таня была уже два года невестой. Жених служил в Германии. И это обстоятельство поднимало её в наших глазах, мы её уважали и очень любили. Да и как не любить! Человек она – редкий: весёлая, доброжелательная и очень красивая; стройная, с тонкой талией и высокой грудью, длинноногая. В нашем поколении, детство которого пришлось на войну, когда как раз растут ноги, трудно встретить девушку с такими красивыми ногами. Её нежное лицо, с хорошим румянцем, обрамляли короткие, всегда удивительно чистые и мягкие белокурые волосы, чуточку завитые на концах. Она не подкрашивала их, они по природе имели такой цвет, а брови и длинные ресницы, напротив, были тёмными, тоже от природы. Она не нуждалась в косметике. Крепкий ротик, с чётко обрамлёнными линиями, но пухленький, мне всегда напоминал не распустившийся бутон красной розы. Но самое главное – прекрасные глаза: большие, иногда тёмно-голубые, иногда серые, с какими-то весёлыми искорками.

В ней чувствовалась порода. Она не походила ни внешне, ни характером на моих землячек и сверстниц, угрюмых и несколько грубоватых, в натуре которых формировались эти черты от бесконечных нашествий и разорений с Запада. Жизнерадостность и доброта исходили от всей её чистенькой и опрятной фигуры. Никто не учил её шить, но она сама себе кроила и шила изящные платья, отделявая их то бусинками, то складочками, то строчкой, с таким чувством вкуса и меры, что этому могла бы позавидовать любая первоклассная портниха.

Таня преданно, больше двух лет, ждала своего жениха Виктора. В войну он потерял родителей и дядя-генерал, приехавший узнать о судьбе родных после пожарниц и боёв, забрал мальчика с собой. Виктор стал сыном полка, воевал, имел даже солдатские награды и какое-то звание. После войны он остался с дядей, служил при штабе. Таниной маме он приходился каким-то дальним родственником. Приехав на побывку, он увидел красивую девочку; и с первого взгляда, как говорят, «прикипел сердцем»; проводил её домой, и они подружились. Перед отъездом Виктор сделал ей предложение и попросил Таню ждать его возвращения, чтобы потом в её совершеннолетие, пожениться. Тане он очень понравился, и она обещала его ждать.

В течение двух лет он аккуратно посылал ей письма и посылки, с отрезами на платья, недорогими украшениями и европейскими сладостями. Два раза приезжал на побывку, и эти встречи ещё больше укрепили их чувства.

Таня с мамой жила в маленькой избушке. Даже по тем временам, среди только что отстроенных хат по принципу: «скорей бы крышу над головой», это строение с двумя крошечными окошками, одно выходило на улицу, другое – во двор, казалось очень убогим жилищем, даже без изгороди, как у других. Пройти через дверь можно, только наклонив голову. Но внутри это помещенье потрясало сверкающей чистотой. В комнате помещалась печь и рядом-полутораспальная железная кровать, с чистейшим покрывалом и горкой подушек с белоснежными наволочками. Размеренные и накрахмаленные занавесочки на окошках сверкали хрустящей белизной. Столик у окна, на котором стояла швейная машинка, кухонный столик напротив печки с ведром воды, накрытым деревянным кругом, пол – всё выскоблено и вымыто до желтизны. И только старинный, окованный железом сундук, контрастировал в цвете с тщательно выбеленными стенами и потолком.

Один раз в неделю мы с Таней ходили в кино или на танцы в клуб бумажной фабрики, готовились к выходу тщательно. Таня меняла часто наряды, и я искренне восторгалась её удачной работой. Весь мой гардероб состоял из тёмно-синей шерстяной юбочки и белой кофточки, сшитых под пионерский галстук. И потому Таня открывала сундук и вытаскивала оттуда платья, одно за другим, заставляя меня примерять. Найдя то, что надо, она говорила: «Это тебе идёт. Какая ты красивая, пичуга-щебетушка!»

Её мама – полный контраст своей дочери, маленькая, угрюмая, казалась абсолютно бесцветным существом, не одобряла этих занятий, и хотя я никогда не слышала её голоса, но чувствовала, что она Таниных подруг терпеть не может.

Но Таня как бы не замечала маминых взглядов, весело улыбалась ей и делала своё дело: то у воротничка или у талии подстегнёт что-то иголкой, то сделает ещё какую-то складочку. Ей доставляло удовольствие наряжать не только себя, но и своих подруг, которым она шила платья бесплатно, правда, крайне редко, потому что отрез, по тем временам, для девушки – настоящее богатство.

Я смотрела на Таню, то на её маму и думала: «Откуда у этой неприметной женщины взялась такая красавица-дочь? Кто её отец, спросить не решалась, и она никогда не говорила об отце.

То, что мы ходили на танцы, Таниной маме не нравилось, но, наверное, она понимала, как тяжело юному, весёлому существу вечерами сидеть дома за швейной машинкой, даже ожидая жениха, который жил где-то за границей. Друзья и родственники Виктора в танцевальном зале не оставляли без внимания красавицу-невесту, постоянно приглашая её танцевать, отсекая дорогу к ней всяким чужакам. Ждать оставалось ещё полгода до предполагаемой свадьбы, как вдруг в Танину жизнь ворвалось нечто невообразимое и закружило её в вихре необычных чувств и страданий.

Однажды весной в танцевальном зале появилось новое лицо, только что отслуживший Армию, красивый парень Анатолий. Высокий, подтянутый; лицо с правильными благородными чертами, глаза – голубые, волосы волнистые (дымчатого цвета), одет в элегантный чёрный костюм. О нём не скажешь, что он богатырь, но во всём его облике виделось что-то рыцарское, романтическое, что-то от артиста или художника.

Едва они увидели друг друга, как их будто током соединило вместе. Не успели друзья Виктора преградить Анатолию дорогу, а он и Таня уже кружились в вальсе. Как они танцевали! Как будто-то чувства распирали их и поднимали ввысь. Такие красивые и возвышенные, что пары останавливались и словно замороженные, отходили к стенам, давая им свободу. После вальса Анатолий уже не отходил от Тани, не позволяя никому танцевать с ней. Только танец прекращался, они ждали с нетерпением следующего, чтобы снова прикоснуться друг к другу. Он провожал её домой, а расстроенные друзья Виктора шли за ними вслед. О чём после говорили с Анатолием неизвестно, но преградить путь к этой милой девушке им не удалось. Может быть, он рисковал жизнью, но всё равно постоянно провожал её домой, а вслед двигались опасные тени; в зале он танцевал только с ней.

По всему городку поползли слухи. Бедной девушке родственники хором и в одиночку читали морали, и мама запретила ходить на танцы, Таня боготворила свою маленькую сердитую маму и не хотела её огорчать, но чувства убить невозможно.... Анатолий, увидев меня, послал ей письмо, Так я стала почтальоном в их горячей переписке. Слух докатился до Германии. Виктор, не долго думая, уволился со службы, несмотря на то, что ему открывались перспективы для учёбы и карьеры.

Через месяц он вернулся на родину, засыпав Таню подарками. Она не радовалась ни его подаркам, ни его возвращению.

Я видела этого Виктора: парень не высокого роста, ниже среднего, но коренастый, крепкий, круглоголовый и, как говорят в народе, лобастый. Что-то угадывалось в нём сократов-

ское... Но куда ему до Анатолия? Жених не отпускал Таню ни на минутку. Он приходил в школу, встречал её с работы, вечерами допоздна сидел в их избушке, водил Таню в кино и однажды пришёл с ней на танцы и сразу же пригласил танцевать. Анатолий тут же пригласил на танец меня и передал ей записку, сказав: «Я жду её на аллее». После танца, извинившись перед Виктором, я отозвала Таню из зала и отдала записку. Прочитав, Таня почти побежала, и я едва успевала за ней и остановилась в начале аллеи, в другом её конце. Освещённый луной, как тень, маячил Анатолий.

Как только они увидели друг друга, тут же понеслись навстречу. Они летели, как птицы, с поднятыми вперёд кверху руками. Ничего подобного в своей жизни я больше не видела. Это была какая-то потрясающая энергия... Они парили, протянув друг к другу руки, и в этом порыве обнялись и замерли в поцелуе... Но не надолго... Таня вдруг отстранилась, что-то сказала ему, и, повернувшись, каменным изваянием двинулась ко мне навстречу. Анатолий сразу поник, шатаясь, как пьяный, ушёл в темноту...

Я, потрясённая этой несправедливостью, не зная кем созданной, разрыдалась, как дитя, и сразу, не заходя в зал, ушла домой. Таня, молчаливая и бледная, пошла туда, где её ждал Виктор.

Через несколько дней под напором родных и мамы, мучимая раскаянием за своё предательство, Таня согласилась на брак с Виктором. Но я думаю, что здесь сыграла роль её доброта: не могла она причинить боль человеку, который столько страдал с малых лет и, если подумать, был всё же одинок.

Я не видела свадьбы, потому что уехала далеко и вернулась домой только через 3 года. От подруг узнала, что Таня поселилась с мужем после свадьбы в хорошем светлом доме, по тем временам, доставшемся Виктору в наследство от родителей. Живут они мирно, на берегу Ипути, почти у самой воды. Виктор работает на бумажной фабрике рабочим, заядлый рыбак. Таня по-прежнему работает в школе, у них – двое деток: мальчик и девочка; и ещё сказали, что последнее время Виктор стал выпивать.

Анатолий от отчаяния и в отместку женился вскоре на пышногрудой блондинке-финансистке, которую прислали на работу в банк, девушке умной и энергичной. Они живут в своём доме, построенном самим Анатолием; он, как и Виктор, работает на фабрике. И у них – двое детей: мальчик и девочка. Анатолий очень привязан к детям, серьёзно занимается их воспитанием, не пьёт. Он возмужал и стал ещё красивее. Жена гордится им и души в нём не чаёт, и он отвечает взаимностью. Я вспомнила её, она ходила в танцевальный зал, и подумала: «От такой волевой девицы даже птичка не выпорхнет».

Вскоре встретила я с Таней, торопилась и не заметила её. Она окликнула меня, мы обе обрадовались встрече. Таня почти не изменилась. Только красота её как-то затерялась в лёгком сером пальтишке и платочке. Так в нашем городке одевались все замужние женщины. Но посмотрев на её лицо и фигуру, сразу поймёшь, что перед тобой женщина редкой красоты. Вот только кисти рук, на них не было перчаток, красивые, как и прежде, чуточку обветрили и загрубели от домашней работы. И после нескольких восторженных слов, видя, что я тороплюсь она сказала: «Приходи ко мне в гости, поговорим... Если у тебя есть ткани на платье, я сошью тебе по самой низкой цене.» У меня был штапельный отрез, и я весной пришла к ним в гости.

Дом, как у всех горожан, простой деревянный, ничем особенным не отличался. Но во дворе и в самом доме потрясала сверкающая чистота, как в избушке Таниной мамы. Никаких лишних вещей, да и откуда в то время они могли взяться? Два помещения: кухня, она же столовая и прихожая, и ещё одно – просторная светлая комната. Виктор был дома. После приветствий, они предложили мне пройти в горницу, в которой всего-то стояла кровать, рядом детская кроватка, стол и два стула. Но я, потрясённая, остановилась, как вкопанная, потому что все стены были увешаны живописными полотнами, окантованные в простые, но аккуратные рамки. Среди них-хорошие копии с работ художников-классиков, но больше всего пейзажей

с наших берегов. В них отражалось настроение, чувство художника. Они звучали лирической грустью, столь характерной для нашей природы. Всё это говорило о большом таланте, угадывалась сильная и возвышенная душа.

Я удивлённо спросила: «Чьи это работы?»

И Таня ответила мне не без гордости: «А это Виктора!» Я посмотрела на него и сказала: «На сколько я помню, Вы, кажется, нигде не учились мастерству, но о Ваших работах не скажешь, что это наивная живопись.»

– Учился немного в Германии, а теперь вот, – с какой-то иронией и ноткой сожаления добавил он, – учусь, копируя с репродукций классиков.

Я смотрела то на его работы, то на художника, то на Таню и думала: «Какие же эмоции и возвышенные мысли бушуют в этом крепком низкорослом парне, с головой Сократа?»

И мне стало грустно оттого, что такие прекрасные работы никому не нужны в этом захолустном городишке, и никому из жителей нет дела, что среди них живёт такой мудрый и талантливый художник.

Заметив перемену в моём настроении, Таня сказала: «У тебя в руках свёрток. Ты, наверное, хочешь, чтобы я тебе сшила платье?» Я кивнула, головой, она развернула ткань и стала прикидывать, как его сшить.

Я спросила: «Таня, а сколько ты берёшь за одно платье?» Она вспыхнула, растерялась, и зная, что я не соглашусь на бесплатный пошив, ответила: «Три рубля». Виктор улыбнулся и сказал своим крепким баритоном: «Ты, Таня, за шитьё одного платья скоро будешь брать одну копейку». Она посмотрела на него, как школьница, допустившая ошибку, и ничего не ответила.

Я сделала вывод, что в семье лидирует Виктор, и не только в семье, но и во всём этом захолустье он на голову выше каждого жителя в отдельности и всех жителей вместе взятых.

Чтобы снять возникшее напряжение Виктор опять сказал с улыбкой: «Раз дело пошло к примеркам, мне надо залезть на печь, – и, обращаясь ко мне, успокоил, – оттуда ничего не видно». Он, конечно, кривил душой, потому что с момента моего прихода, он внимательно рассматривал и изучал меня, как художник изучает натуру. Виктор и в самом деле, в один прыжок оказался на печке. Я думаю, что оттуда он тоже наблюдал за нами.

Уходя от них, я отметила, что Таня не смеётся так заразительно и так часто, как в прежние годы...

На примерку я пришла, когда Виктора не было дома. Опять долго смотрела на его работы, как будто открывала какую-то тайну, доселе мне не известную. Во время примерки мы заговорили о прошлом. Таня разволновалась, покраснела и стала рассказывать, как живёт Анатолий, какой он хороший муж, не пьёт. А я подумала, что он, отверженный мужчина, будет всю жизнь доказывать, какой он – исключительный муж.

Я спросила: «Встречала ли она его с тех пор?»

– Два раза случайно встретились. Он, как видит меня, меняется в лице, и как безумный бежит, не разбирая дороги через канавы и кусты в сторону.

Вздыхнула и добавила: «Мне всё, кажется, что он ждёт меня, и мы когда-нибудь будем вместе.

В этот же день она закончила платье. Я носила его с удовольствием, но больше не ходила к ней, чтобы не беречь её старую, едва затянувшуюся рану.

1990 год.

Какая она, красота?

У каждого человека свой эстетический идеал. Здесь играет роль и быт, и гены, и общественное мировоззрение.

Когда на литературных вечерах мои собратья по перу косят друг друга вдоль и поперёк, я молчу и вспоминаю свою молодость.

Я тогда работала в Добрушском райкоме комсомола (это на Гомельщине, в Белоруссии).

Отличный мой товарищ, Надя Журова, заведовала сектором учёта. Нас объединяли общие комсомольские заботы: не смущали тяжёлые дороги, по которым мы колесили на попутном транспорте, а чаще пешком, в жару, мороз и даже в метель, в лёгких пальтишках и осенних ботиночках на каблучках.

Мы верили в свои идеалы, в человечество и его прекрасное будущее.

Велико осознание своей молодости. «Какая красавица!» – говорили обо мне многие. И не только потому, что мне было 19 лет. Изящная и стройная, рост 162 см., тонкая талия, перетянутая по тогдашней моде узким ремешком. Даже перенесённые в детстве лишения не испортили моей кожи, розовой, с перламутровым отливом. Только лицо, чуточку бледноватое; но в контрасте с искрящимися глазами производили приятное впечатление. В нём отражалась норма. К тому ж озарялось белозубой улыбкой с небольшими ямочками на щеках. Две золотые косы, ниже пояса, усиливали это впечатление. Когда я причёсывалась, редко кто не любовался густым потоком золотых нитей, к чести тогдашнего отечественного шампуня под названием «Солнышко». Голос, как ручёк, походка – быстрая, лёгкая. Мне и самой казалось, что я лечу над землёй и с изумлением и восторгом смотрю на её леса, поля, реки и озёра, потрясённая деловитостью и трудолюбием людей. Я влюблялась во всех, кто встречался на пути: в детей, неустанных доярок, в пастухов и трактористов, в стариков и даже в старух. Влюблённость в мир распирала меня изнутри и я вся светилась...

Чем ни красота?

И всё же я не отвечала эстетическим взглядам сельских парней. Коренастые и коротконогие, они, за годы войны и фашистской оккупации, не наели роста. Я, наверное, казалась им жердью и чересчур городской.

Чтобы провести комсомольское собрание со стопроцентной явкой, я бегала по селу и посёлкам 2-3 дня, персонально знакомясь с каждым комсомольцем, а потом ночевала где-нибудь в избе-читальне, подложив под голову подшивки газет.

А вот Наде Журовой это удавалось сразу. Ко мне на собрание приходили, как положено, поздно: пока с колхозными делами управятся, свою скотину досмотрят, поужинают, к 9-10 часам – соберутся...

К Наде являлись сразу, даже не поужинав, к 7-ми часам, чтобы полюбоваться на «красивую девку».

Маленькая, кругленькая, как бы высеченная из цельного куска. О талии я не говорю: её не заметишь. Но лицо, тоже круглое, миловидное, белое, как молоко, с нежным румянцем – образец редкой красоты.

Тёмно-серые глаза, «не по яблоку», но очень выразительные, с длинными ресницами, смотрели на людей доброжелательно, с вниманием и теплотой. Как говорят в народе: брови – соболиные, губки – бутончик розы, улыбка – свет дневной. Высокий гладкий лоб выдавал незаурядный практический ум. Эту красивую головку венчала корона из тёмно-русой косы. Но главным достоинством её девичьего облика была грудь, большая и пышная. Впечатление создавалось, что она начинается прямо от шеи. И хотя грудь эта упрятана в тугой бюстгалтер, прикрыта безукоризненно отутюженной блузочкой, застёгнутой на все пуговицы до самого воротничка – вызывала она, даже у женщин, какие-то странные ассоциации. Стоило глянуть на её

нежное белое лицо, и сразу же начинало казаться, что блузочка на груди вот-вот лопнет, и из чашечек бюстгалтера выплывут, как из сказки, два белых сверкающих лебедя и поплывут вам навстречу, даря блаженство и счастье.

Чтобы завоевать уважение молодёжи я рылась в парткабинете, в районной библиотеке, отыскивая брошюры с передовым опытом сельскохозяйственных работ, ходила по избам, полям, фермам, в парторганизации и правления колхозов, рассказывала на собраниях о звёздах, пересказывала популярные в то время теории происхождения Земли: Канта, Лапласа, Шмидта, сама демонстрировала способ изготовления торфо-перегнойных горшочков для капусты и многое другое – и всё же такого успеха, как у Нади, у меня не было. Я не ходила, а летала, как жаворонок. И Надя не шла, а гордо плыла по деревне, как лебедь. Стоило ей пройти от правления колхоза до избы-читальни – и успех обеспечен.

И теперь, когда говорят о прекрасном, стараясь втиснуть его в классические рамки или навязать другим свои взгляды, я с улыбкой вспоминаю свою молодость.

1992 год.

А в наше время есть рыцари?

Если задать вопрос современным женщинам, что они думают о мужчинах, то в ответ эти милые приятные создания скажут Вам такое... что никакая бумага не выдержит, а самые интеллигентные и воспитанные дамы ответят междометиями: «А-а-а... или У-у-у...»

Но я склонна думать, что в наше время встречаются настоящие рыцари, и как не странно чаще всего – среди сельских мужиков.

Я помню случай в белорусской деревне. В сентябре девочки музыкального училища работали на уборке картофеля. Юные пианистки, не привыкшие к сельской грязи, решили вымыться, не дожидаясь воскресенья. Весело натаскали воды, взяли дрова, привезённые для кухни, натопили сельскую баню и давай мыться... и все угорели. Благо, мимо проходил какой-то парень, совершенно дремучий, конюх; он увидел, как из бани выползла, будто пьяная, голая девочка и рухнула на землю. В одно мгновение, сообразив в чём дело, он ринулся прямо в угар, рискуя собственной жизнью, и стал по одной вытаскивать их оттуда, укладывая потерявших сознание красавиц рядами. Вытащив последнюю, пятнадцатую, он сам потерял сознание. Девочки от свежего воздуха и земли стали постепенно приходиться в себя. Увидев на земле совершенно бесчувственного парня, взялись отхаживать его. Отыскали нашатырь, оттирали его до тех пор, пока у него не порозовели губы, и он открыл глаза. Через день они были уже трудоспособны, а парень тяжело заболел, и его надолго положили в больницу. Чем этот парень ни рыцарь?

Но и я запомнила две встречи, которые укрепили моё уважение к отдельным представителям мужского пола.

Первый день отпуска

Вот уже несколько лет к ряду я не вижу и не чувствую весны, потому что в мае и июне у меня много работы. Май – время семестровых и годовых контрольных работ, сочинений по литературе и языку. В мае я пишу экзаменационные билеты для учащихся и абитуриентов, поступающих в наше музыкальное училище. В мае я должна подготовить доклад и методразработку, чтобы выступить на городском методобъединении; в мае я сдаю экзамены в вечернем Университете марксизма-ленинизма, куда меня направили на два года учиться, не знаю за какие грехи. Кроме всего прочего я ежедневно пишу поурочные планы и планы календарные к следующему году. Я с облегчением вздыхаю, узнав, что мне на май не запланирован открытый урок. В июне я пишу отчёты за все свои пятёрки, четвёрки, тройки и двойки и готовлюсь к итоговому педсовету, итоговому партсобранию и профсоюзному собранию. С утра до позднего вечера сижу на экзаменах то в качестве экзаменатора, то в качестве ассистента. Я встаю в 6 часов, чтобы выглядеть прилично, съесть наспех какой-нибудь бутерброд и запить горячим чаем. А потом бегу, не глядя по сторонам, чтобы не опоздать к звонку. А прихожу к программе «Время». В 9 часов сажусь у телевизора и ем ливерную колбасу и какой-нибудь овощной салат или рагу, купленные перед закрытием магазина; и одновременно просматриваю центральные и местные газеты, чтобы не опозорится перед слушателями-музыкантами на политзанятиях, особенно перед мужчинами, очень дотошными в вопросах политики. Я – пропагандист высшего звена. Всё это время я таскаю стопки тетрадей домой, а потом из дому. Проверяю их везде: на переменах, в учительской, на заседаниях и совещаниях, во время еды, в будни, и праздники. И вот, наконец, 2-ого июля – итоговый педсовет, где меня, как правило, всегда подвергают критике, потому что народ у нас с положением, их нельзя трогать, а критиковать кого-то надо. Одинокую женщину можно!

Характер у меня от такой жизни – скверный. Я всегда отдуплюсь; с пылающими щеками и глазами громким резким учительским голосом низвергаю «врагов». Итоговый педсовет удался, начальство довольно, потому что он был критическим и целенаправленным. Все устремляются в кассу получать зарплату и отпускные.

Утром на следующий день я просыпаюсь, как обычно, но понимаю, что я – в отпуске и мне не надо торопиться. В теле у меня – тяжесть; я отекала, голова шумит, в сердце – боль. Значит, повысилось давление... Я встаю и иду на кухню, чтобы выпить таблетку, потом подхожу к зеркалу... На меня смотрит ещё молодая женщина, с приятным, но усталым и бледным до желтизны лицом, с покрасневшими глазами... Я вглядываюсь и думаю: «Разве можно быть иной, годы работая в полуподвальном, плохо проветриваемом классе?» Иду к окну, открываю форточку и снова ложусь...

Но едва я закрыла глаза, как в дверь резко позвонили... Я встаю и думаю раздражённо: «Кого несёт с утра пораньше?»

Открываю дверь – это моя подруга, журналистка областного телевидения Татьяна. Она входит и поздоровавшись, решительно заявляет: «Скорей одевайся, мы едем на съёмку туда, где похоронен твой муж, можем подбросить тебя на кладбище к могиле».

Такое предложение вмиг снимает с меня усталость, я давно не была на могиле мужа, а добираться туда сложно. Наспех заплетаю свою тяжёлую косу, закрепляю её на затылке шпильками и, плеснув в лицо водой, быстро одеваюсь. Через 20 минут мы сидим в телевизионной машине и за стёклами уже пролетают улицы моего родного города, а мне кажется, что я вижу его впервые... Потом замелькали пейзажи; я оживилась, вглядываясь в пролетающие картины: поле, лес, луга, опять лес и снова луга. Вдали работают сенокосилки. Старший оператор, очень опытный телевизионщик, обращаясь ко всем, сказал: «А вот начинаются уголья совхоза, куда мы едем снимать». Шофёр затормозил и остановил машину у края дороги.

Сенокосилки тоже подходили к краю луга: впереди шла машина, которая рядами срезала траву, а другая вслед подбирала её для силоса. Не дойдя до дороги, они остановились. Два механизатора: один – средних лет, а другой – парнишка, соскочили на землю и подошли к телевизионной машине. Операторы, наконец, выгрузили оборудование для съёмки, и я смогла выйти из машины. Я вылезла и мои лёгкие заполнились кислородом со свежим ароматом скошенных трав. Я, как сомнамбула, двинулась прямо к траве, наклонилась к ряду и захватила пучок двумя руками, поднесла к лицу и, наслаждаясь ароматом, ни к кому не обращаясь, воскликнула: «Господи, как хорошо пахнет!» Моё зрение зафиксировало изумлённые взгляды механизаторов, насмешливый и высокомерный взгляд моей подруги и любопытный интерес операторов, но я не воспринимала это ни умом, ни сердцем, а опустила бережно пучок и, наклонившись над рядом, стала медленно выбирать из травы липкие, розовые, луговые гвоздички.

Всем известно: крестьяне считают горожан бездельниками; особенно в страду им не до сантиментов. И моя подруга, чтобы не разрушить уважение к телевизионной бригаде в глазах этих вечных тружеников, взяла из аппаратуры какой-то тяжёлый деревянный ящик с широким ремнём и, подойдя ко мне, с явным подтекстом сказала: «На-ко вот поноси!» Я положила маленький букетик на сидение машины, взяла тяжёлый ящик и, глядя на весь этот прекрасный распахнутый мир, улыбающаяся и счастливая, пошла вслед... Татьяна брала у механизаторов интервью; операторы снимали, но во взглядах их я всё время чувствовала какую-то лёгкую иронию. Механизаторы, напротив, смотрели тепло и дружелюбно, особенно старший, жилистый, высокий и широкий в плечах мужик, с красным от загара лицом, немного скуластый, в выгоревшей, как у всех крестьян, бесцветной одежде. Как только закончилось интервью и съёмка, телевизионщики направились к машине, захватив аппаратуру... И тут случилось нечто непредсказуемое...

Старший механизатор бегом направился к скошенному ряду, быстро наклонился и стал с неуловимой скоростью своими заскоружеными пальцами перебирать траву. Мы опешили, ничего не понимая, и с недоумением смотрели на его действия. Считанные секунды, музыканты не играют с такой скоростью, – он распрямился, держа в руках пышный красивый букет розовых гвоздичек и, подойдя ко мне, протянул: «Возьмите, на память». Я приложила его букет к своему маленькому и поблагодарила. Когда мы сели в машину и направились к кладбищу, находившемуся в трёх километрах от большой дороги, операторы вдруг ни с того – ни с сего заговорили о женской красоте, о красавицах-киноартистках. А я подумала: «Может, пример этого сельского рыцаря разбудил в них мужское достоинство и уважение к женщине».

Машина остановилась. Обычное, ничем не огороженное маленькое сельское кладбище; сразу за ним – начинались огороды. Я вышла, взяла букет цветов, поднялась по склону к холмику с крестом у самого края погоста, под которым улеглись навечно самые лучшие и счастливые годы моей жизни, низко поклонилась до самой земли, постояла, пошептала, потом разделила букет надвое: одну часть положила на могилу, одну – оставила себе на память. Я не запомнила цвета глаз рыцаря, подарившего мне эти цветы, но то, что они светились умом, проницаемостью, добротой и какой-то мужской восторженностью перед женщиной, запомнила навечно.

1983 год.

Не бойся, жанчынка!

Мне было чуть больше тридцати. Я работала летом в каком-то Полесском совхозе на уборке овощей и петрушки с учащимися музыкального училища. Всю неделю мы трудились, а в воскресенье нам давали отдых: помыться, убраться; но своенравные пианистки, 15 – 16 лет, захотели пойти в лес. От этого возраста ожидать можно, что угодно... Они обратились к начальнику нашего отряда, молодому баянисту, и он был рад угодить таким милым девочкам, но посмотрев на моё лицо, сказал: «Вы пойдёте, если с вами пойдёт ваш руководитель...»

Я сразу же согласилась, мне хотелось найти черники, растереть её с сахаром для своей маленькой дочери, у которой ухудшилось зрение. Я взяла на кухне двухлитровый алюминиевый чайник, другой посуды не имелось, и пошла с ними. Лес недалеко, прямо за крестьянскими огородами; одно препятствие – надо переправляться через небольшую реку. Девочки при переходе явно игнорировали меня. Один берег с другим соединялся большим бревном; переходить его надо с длинным шестом, на самом глубоком месте упираясь в дно. Они шли, одиннадцать крепких девочек, передавая шест из рук в руки, но последняя забрала его с собой на другой берег. Я постояла на бревне и вернулась назад, отыскала длинную палку и пошла снова... Они стояли и злорадно смотрели; не отдавая себе отчёта, ожидали, когда я свалюсь в воду. Это была месть за то, что я требовала добросовестной работы в поле и постоянно упрекала их в лени и безответственности. Но мой возраст – вершина всех физических и духовных сил женщины. Я победила: легко и ловко перебралась на другой берег и вошла с ними в лес. Пройдя метров сто вглубь леса, девочки остановились и решили разжечь костёр. Я возразила: «Ну, можно ли в такую жару, когда горят торфяники, разжигать в лесу костёр?» Но моих слов они как будто не услышали и стали собирать сухие сучья. Набрав хвороста, разожгли костёр и сели вокруг, молча глядя на огонь. Я не могла понять этого ритуала: жара около сорока градусов, духота, а они сидят вокруг костра, смотрят на языки пламени и молчат. Странные необъяснимые потребности бывают у людей! Хворост быстро сторел, а собирать снова не хотелось, их разморило. Они начали вставать, собираясь в лагерь. И тут я буквально приказала им: «Костёр хорошо погасить и засыпать землёй!» На этот раз они с чувством ответственности, руками собирая землю, забросали тлеющие угольки, и прислонясь к стволам деревьев, вяло заговорили о своих делах. Я с облегчением вздохнула: «Ну, что ж, дышите кислородом, отдыхайте от «доблестного» труда и от меня, а я отдохну от вас, поброжу вокруг, может ягод найду». Взяла чайник и пошла в сторону...

В августовском лесу земляники давно не было, но попадалась костяника, голубика, а потом кое-где черника... Я уже закрыла в чайнике дно и решила проверить, чем занимаются мои девицы. У погашенного костра их не оказалось, следы вели к реке. Шест они опять унесли на другой берег... «Что ж! Хорошо, – подумала я, – ритуал закончился!» До полдня далеко, и я решила вернуться туда, где я нашла чернику.

Моим подопечным не удалось испортить мне настроение. Я отдыхала: мыслей никаких, дышится легко и ягоды попадают. Я набрала черники почти полный чайник, всё собрала, что встретилось, больше не было; решила вернуться в деревню. Взяла направление туда, где виднелись просветы между деревьями и вышла прямо к берегу, поросшему кустарниками и высокой травой. Огляделась: кладки не видно, но на другом берегу, километрах в трёх-четырёх с левой стороны виднелась деревня, где находился наш лагерь. Идти вдоль берега к переправе – тропы нет; по высокой траве, через кустарники – не имело смысла. Пойти лесом – легко потерять ориентир и времени уйдёт ещё больше, к тому ж я немного устала. Попробовать перейти малоизвестную реку – рискованно: на той стороне – торфяные поля. Значит, здесь осушено болото и в реке могут быть глубокие ямы. Переплыть нельзя: в руке чайник с ягодами да сапоги на ногах. Справа, насколько хватал глаз, шли поля и луг. Только очень далеко виднелось что-

то, похожее на деревню. «Не может быть, – подумала я, – чтобы на расстоянии трёх-четырёх километров не было переправы или брода!»

Решила пойти вдоль берега в противоположную от своего лагеря сторону. Пробираясь по высокой траве, прошла метров сто – ничего нет; вода тёмная, болотистая, с водоворотами. Снова иду вперёд упрямо ещё сто метров – ничего нет, но русло реки стало шире – значит, будет мель! И в самом деле: немного прошла – вижу брод, разбитый у берегов коровьими копытами. На той стороне вдоль берега откуда-то тянется дорога через брод в лес.

Я обрадовалась и осмотрелась: тишина, ни единой души, только над полем с другого берега слышится пение жаворонков. Стащила с ног резиновые сапоги, воткнула их один в один, а чтобы не замочить одежду, ещё раз хорошо оглядевшись, сняла с себя всё, свернула в жгут, завязала его выше груди узлом, дабы не упал в воду, взяла чайник в одну руку, в другую – сапоги – и вошла в реку...

Я двигалась медленно, тщательно ощупывая ногами дно и всматриваясь в него, чтобы не наскочить на корягу, всё выше поднимая к голове чайник и сапоги. Вода побиралась к груди; я дошла уже до середины, как вдруг почувствовала чей-то взгляд... Подняв голову, я застыла, как вкопанная: на берегу стоял мужчина, не более сорока лет, худощавый, невысокого роста, с загорелым лицом, с тонкими чертами, одетый в выгоревший от солнца пиджак и узкие брюки, заправленные в сапоги, на голове – кепка. Под одеждой угадывалось гибкое и сильное тело. В нём было что-то жокейское... Мужчины такого типа способны на очень решительные поступки. Всё это пронеслось в моём мозгу в доли секунды: «Откуда он взялся? Как из земли вырос... Может, он за мной давно наблюдал?»

Перепуганная, я стояла, не двигаясь. Мы смотрели друг на друга в упор.

И вдруг с берега раздался мягкий, полный музыки, приятный успокаивающий баритон: «Не бойся, жанчынка!» И чтобы не волновать меня, он повернулся вполборота... Я почувствовала себя в безопасности и двинулась вперёд к берегу...

Может, я и не Венера Милосская, но и её скульптор лепил с земной женщины...

Едва я голая вышла на берег, он тут же, прямо в сапогах и одежде, собрав всю силу воли, как Христос, пошёл по воде... Я развязывала узел и смотрела ему вслед: сначала под воду ушли его сапоги, потом брюки, потом пиджак... Он вышел на тот берег, и не оглядываясь, так же прямо, как вошёл, даже не вылив из сапог воду, зашагал к лесу и исчез среди деревьев.

Я оделась, натянула сапоги, вздохнула легко и свободно и пошла напрямик через поле в свой лагерь... Но до сих пор в моих ушах звучит баритон, сказавший только одну фразу: «Не бойся, жанчынка!»

1983 год.

Загадка белого паруса

Я отдыхала в Крымском Приазовье, в рыбацком посёлке Мысовое. Конец мыса – это обрывистые горы, в подножье которых рассыпаны домики рыбаков. А совсем недавно на краю посёлка воздвигли прекрасное большое здание Дома отдыха. На ракушечнике появились газоны и клумбы с цветами, южные кустарники, тоже в цвету, и пока ещё чахлые деревца. От Дома отдыха прямо по берегу со стороны Азовского моря проходит автомобильная дорога через Щёлково, посёлка атомщиков, к железнодорожной станции «Семь колодезев» и далее на Керчь. На другом берегу мыса со стороны Чёрного моря тянутся постройки детского лагеря и узкая полоса леса, посаженного атомщиками. Посёлок Щёлково пересекает мыс. Середина же мыса – пустынное пространство, солончаки, поросшее кое-где сухой растительностью; на нём – небольшое мелкое солёное озерцо. Через это лысое место от самого Дома отдыха прямую протоптана тропа в Щёлково, потому что это современный красивый посёлок со всеми чертами цивилизации: есть телеграф, богатые магазины, кинотеатр, ресторан, парикмахерская; и со стороны Мысового на самом краю – рынок и автостанция.

Но с тех пор, как строительство атомной электростанции закрыли, жители занимаются, кто чем может; поговаривают, будто есть здесь контрабандисты: благо турецкий берег недалеко. И хотя работы нет, уезжать отсюда многим не хочется, успели прикипеть к этому месту. Ещё бы! С одной стороны посёлок омывается водами Азовского моря, с другой – Чёрного; небо сливается с горизонтом и такое впечатление, будто ты находишься в голубом шаре, где над головой летают и кричат большие белые птицы, морские чайки.

И мне понравилось это место. Я, искупавшись, часами смотрела вдаль и слушала, как у ног моих плещутся волны. На второй день пребывания я увидела, как из горизонта выплыл белый парус. С его появлением пейзаж стал ещё красивее и романтичнее. А к вечеру черты его обозначились: небольшое парусное судно вышло на рейд, а через день опять ушло в море. Этот парус возбуждал моё воображение, и всё время на память приходили Лермонтовские стихи:

«Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом...
Что ищет он в стране далёкой,
Что кинул он в краю родном?»

Каждое судно – всегда загадка. А парусник – невероятно волнующая загадка. И я всё время смотрела на парус, пока он не исчез из горизонта. Дня через два он снова появился на рейде, опять интригуя моё воображение.

Но после обеда мне расхотелось печься на солнце: штиль, жарко. Я решила пойти в Щёлково на рынок, купить внучке клубники.

Зять сказал мне: «Не ходите – жарко». Но я не послушалась, взяла корзинку, натянула шляпу от солнца и пошла тропой через солончаковую лысину. На рынке клубники не было и, посидев немного на скамейке в тени крайнего пятиэтажного дома, побрела назад.

У автостанции мне встретились два мальчика девяти-десяти лет... Меня поразило выражение их лиц. Они были бледны, испуганы, как будто им открылось в жизни что-то непонятное, грязное и непристойное. Мальчики шли быстро, оглядываясь в одном направлении. И я устремила свой взгляд туда же... И, о, ужас! Как на ладони, в ста метрах от станции, прямо у тропы на земле барахталась какая-то пара. Тело мужчины колыхалось, а из-под него в конвульсиях дёргались две женские ноги: «О, Боже! Скоты. Совсем обнаглели, детей перепугали...» – подумала я и в нерешительности остановилась: идти по автодороге лишних полтора километра мне не хотелось, я еле передвигала ноги. «А, пойду по тропе и отвернусь. – решила я. Отвер-

нулась, обошла их и пошла дальше. Но не пройдя и ста метров, услышала за спиной душераздирающий детский крик: «Папочка, не надо!»

Я обернулась и увидела бегущего мужчину, с зажатым в руке ножом или кинжалом. За ним бежал мальчик, один из встреченных мною. Барахтающаяся пара не реагировала на детский крик. Блестящий на солнце нож в руке мужчины, как палочка гипнотизёра, приковывал моё внимание. Он сверкал в поднятой руке и приближался к лежащим телам. Я с ужасом ожидала, как это сверкающее жало воткнётся в спину мужчины. Но рука с ножом на мгновение повисла в воздухе, а отец мальчика начал ногами гвоздить лежащего по почкам с такой силой, что тот без звука, как мешок, свалился с женщины на землю. Вот тогда рука с лезвием, концентрируя в себе силу, приподнялась, чтобы нанести удар, но женщина мгновенно вскочила и схватила его за руку, закричав: «Не убивай, не убивай его, он ни в чём не виноват, это я во всём виновата, я – плохая!»

Они отчаянно сопротивлялись, а бедный ребёнок, почти натыкаясь на нож, с криками метался между ними: «Папочка! Папочка! Не надо! Мамочка, мамочка идём домой! Мамочка, мамочка, идём домой!»

Мгновение мне показалось, что его головка наткнётся на нож. И я не выдержала и крикнула: «Ты чего тут куражишься! Иди домой, иначе я вызову милицию». Мои слова прозвучали, как выстрел. Потому что женщина с силой толкнула своего мужа и рука с ножом опустилась вниз, а глаза его с недоумением устремились в мою сторону. В следующую секунду я увидела мчащуюся ко мне разъярённую женщину, а вслед за ней летел мальчик. На меня были устремлены её совершенно безумные, звериные, зелёные глаза...

Я почувствовала в ней зверя, гораздо более сильного и более жестокого, чем тигрица. «Убьёт! – мгновенно пронеслось в мозгу... И я в ужасе и страхе бросилась бежать... Но она, здоровая и молодая, в мгновение догнала меня и нанесла сильнейший удар по затылку, но я устояла на ногах. Шляпа моя свалилась... Благо, волосы ещё не покинули голову, тяжелая коса, уложенная на затылке, смягчала удары. Мальчик сзади терзал её и кричал: «Не бей эту тётю, не бей эту тётю!» По-видимому, крик сына подействовал на неё, потому что удары перестали сыпаться на мою голову. Но она сделала последний аккорд: схватив ворот моего платья, потянула его вниз, прихватив и нижнее бельё. Я почувствовала, как одежда сваливается с моего тела.

Её муж, опешивший от происходящего, не знал, что ему делать раньше: прикончить лежащего любовника или пойти на помощь сыну? Но он всё же медленно пошёл в нашу сторону. Я услышала: «Идиотка! – он оторвал её от меня и поволок к солённому озеру, она не сопротивлялась.

Я кое-как закрепила нижнее бельё, одела задом наперёд своё разорванное платье, прикрыла грудь, запахнувшись, как халатом, подобрала шляпу и корзинку и, шатаясь, направилась к автостанции... У озера ревнивый муж буквально макал свою бешеную бабу в солёную воду: макнёт, а потом полощет... «У, стерва, – думала я, – ты хотела отправить меня нагишом в Дом отдыха на посмешище людям... Так я тебе покажу, подлая тварь, ты ещё у меня попляшешь, как окунь на сковородке...»

Я не чувствовала боли, потому что гнев раздирал меня изнутри.

По другую сторону тропы на четвереньках, как собака, уже стоял незадачливый любовник, пытаюсь оторваться от земли. По-видимому сильная боль мешала ему выпрямиться в рост.

Я зашла в будку охранника автостанции и попросила дежурную женщину вызвать милицию, но она отказалась: «Не могу. Звоните сами.»

– Вы только наберите номер. Я не вижу цифр.

Она набрала, а я сказала в трубку: «Меня возле автостанции избил незнакомая женщина, изорвав всю одежду.» Минуты через три (здесь всё рядом) появилась милицейская машина.

Я кратко объяснила, указав на семейную группу у озера и на любовника, который, наконец, встал на ноги.

Милиционер приказал мне сесть в машину и привёл парня, усадив со мной рядом, а сам пошёл в сторону озера. Мы сидели плечо в плечо в милицейской машине, избитые и униженные, и молчали, не проявляя никакого интереса друг к другу, не до этого. Автоматически запечатлелся его облик: тёмный и худощавый, с правильными чертами, чуточку удлинённого, загорелого и обветренного лица... Но главное моё внимание направлялось к озеру. Каково же было моё изумление и разочарование оттого, что милиционер, поговорив с разбойниками, вернулся обратно один. Выходит, мы – арестанты, а истинные виновники оказались на свободе. Как только милиционер сел за руль, парень властно и требовательно сказал: «По какому праву вы арестовали меня и за какое преступление?» На что молоденький милиционер задиристо ответил: «Вот в милиции узнаешь по какому праву.» А парень высокомерно заявил: «Я – Вестник». И милиционер сразу весь съёжился и как-то сник, как от магического слова. Я возмутилась и заявила парню: «В следующий раз для своих любовных утех выбирайте места, менее людные.» И милиционер стал кричать на меня, стараясь перед ним заглазить свою ошибку: «Что вы ему советы даёте!»

Как только машина остановилась, парень вылез из машины и ушёл. А меня, как злобную преступницу, завели к начальнику милиции, и он грозно сказал: «Что вы там натворили. Рассказывайте.» Я изложила суть дела.

– Ну, а теперь, как рассказ, напишите всё это на бумаге.

– Дайте мне сначала нитки и иголку, чтобы я могла прикрыть своё тело, а потом я всё напишу.

Мне принесли толстые чёрные нитки, большую иголку, бумагу и ручку. Я крупными стяжками сшила разорванное платье. Скрепила бельё и стала писать.

Анализируя события, которые, видимо, совершились в считанные минуты или секунды, потому что за более продолжительное время, кого-то из участников этой сцены уже не осталось бы в живых, я сделала вывод, что самым благородным существом оказался девятилетний мальчик, отчаянно и героически спасавший и папу, и маму от преступления, и чужую тётю от смерти. Я вспомнила его бледное перепуганное личико и удивилась, как он мгновенно и правильно принимал решения. Не будь этого мальчика, я не вернулась бы домой. И тут представила, что будет с ним, когда этому делу дадут ход, и сердце моё сжалось. Я написала в конце: «Мне жаль ребёнка этой безумной женщины, её можно простить... – но, глянув на изувеченное, единственное моё нарядное платье, дописала, – если мне оплатят стоимость изорванной одежды, так как я – человек бедный, и мне не за что купить новую».

Начальник милиции исчез, а дежурный, прочитав, сказал: «Вот это правильно.»

Между тем я почувствовала сильные головные боли и тошноту; попросила дать мне направление к врачу, на что тот ответил: «Без начальника милиции не могу».

– А когда он придёт?

– Не знаю.

– Вызовите скорую помощь.

– Без начальника милиции не могу.

– Но мне плохо. У меня болит голова.

Он открыл аптечку, показал присутствующим пачку цитрамона и подал мне. Я сильно страдала, но упорно ждала. Уже стало темнеть и дежурный сказал мне: «Не ждите. Он придёт только завтра утром. Я отвезу вас в Дом отдыха».

Зять, увидев тещу в разорванной одежде, доставленную милицейской машиной, разводя руками, ехидно-весело сказал милиционерам: «С кем ни бывает...»

Ночью мне стало хуже, меня мучили приступы рвоты. Все признаки сотрясения мозга. Я с трудом дождалась рассвета и на цыпочках вышла из комнаты. Дом отдыха находился в

глубоком предутреннем сне. Вахтёр спал, сидя в кресле. Я отодвинула задвижку и бесшумно выскользнула за дверь.

Над водной гладью вставало солнце, а белый парус уходил в открытое море. Но к этой потрясающей красоте я оставалась равнодушной, охватила тоска по дому в своей Белоруссии. Помимо боли я чувствовала направленную на меня, чью-то злую, враждебную энергию, которая давила и разрушала мою волю. Я шла по автодороге в страхе, всё время оглядываясь по сторонам и вздрагивая от малейшего шороха.

В милиции мне опять пришлось ждать. Но через некоторое время дежурный сказал мне: «С вами хотят поговорить. Идите на крыльцо».

Опершись на перила, меня ожидал моложавый мужчина лет за сорок, довольно стройный и подтянутый, интеллигентного вида. Я не сразу признала в нём вчерашнего разбойника с ножом в руке. Известно, что внутреннее состояние до неузнаваемости меняет облик людей. Я скорее догадалась, что это он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.